

Колдовские Миры

ЗМЕЕДЕВА И ТУРГУН-ВАРВАР

МАРИНА КОМАРОВА

Annotation

Ты попала в мир Азулу? Будь осторожна — он полон необычной магии, загадочных змеелюдей, мужественных воинов и... смертельных опасностей. Варвары предназначили тебя в жертву чудовищу. Властитель могущественного города хочет сделать своей наложницей, злобный демон решил использовать как приманку, а повелитель нагов просит стать его сообщницей. Кто придет на помощь? Конечно, древние боги и молодой король, всплывший к тебе безумной страстью.

Марина Комарова

Змеедева и Тургун-варвар

© Комарова М.С., 2016

© Оформление «Издательство „Э“», 2016

Глава 1

Варвар

Стальные браслеты крепко сжимали запястья. Я в очередной раз дернула руки, однако раздался только насмешливый звон цепей — не освободиться. Ноги затекли, в спину и ягодицы впивались острые камни. Волосы падали на глаза, мешая и раздражая. Отчаянно хотелось сесть.

Я сердито сдула черную прядь. Какая-то чертовщина! Где я?

Пейзаж решительно не узнавала. Больше всего походило на нутро пещеры. Небольшой проем-проход. При желании войти придется хорошенько согнуться даже при моих метр шестьдесят. Под босыми ступнями шуршал песок.

Понять, к чему именно прикованы кольца моих кандалов, не получалось. Уж не знаю, сколько времени пришлось поизвиваться змеей, только все попытки задрать голову и хоть что-то разглядеть потерпели неудачу. Дело осложнялось отсутствием одежды — на мне не было ни клочка. Это я с ужасом осознала, когда немного пришла в себя и ощутила прохладу.

В голове всплывали грубые мужские голоса и довольный смех.

— А красotka ничего, я б такую...

— Уймись, Брог, она предназначена для чиучалэ.

— Да прям, я же только...

— Брог!

Больше я ничего не помнила. Стоило только напрячь память, как голова начинала премерзко ныть, словно не желая выполнять указания мозга. Впрочем, о том, как и что, думать буду позже. Сейчас важно найти способ выбраться. Долго я так не простою.

И хоть я в упор не знала, кто такой Брог и чиу... ча... чиучалэ тоже, — название мне совершенно не нравилось!

Я глубоко вдохнула пыльный воздух и тихонько чертыхнулась. Господи, но как? Как я тут оказалась?

Неожиданно справа что-то зашуршало. Я замерла, прислушиваясь. Шуршание повторилось. Мое сердце застучало быстрее. Кто это? Человек? Или же что-то другое? Очень странно двигается, словно ползет по земле.

По позвоночнику пробежали мурашки, внутри все похолодело.

— Ш-ш-ш-с-с, — раздался звук у самого уха.

Я вздрогнула. Повернула голову и взвизгнула. На меня смотрел огромный змей. Приплюснутая темно-зеленая морда. Узкие, наполненные пурпурным светом глаза. Длинный раздвоенный язык дрожал. Голова змея находилась на уровне моего лба. Туловище едва можно было обхватить двумя руками. А длину даже не разглядеть, как только в пещере уместился? Ой, мамочки, он же огромный!

— Ш-ш-ш-с-с, — повторился звук, морда змея приблизилась.

В нос ударил запах мускуса и нагретых на солнце камней. Хотя с перепугу чего только не почувится. Я вжалась в стену, цепь вновь звякнула. На этот раз — торжествующе.

Это что... оно меня сожрет? Нет! Пожалуйста, только не это!

Я попыталась крикнуть, но из вмиг пересохшего горла вырвалось только еле слышное сипение.

В пурпурных глазах появилось какое-то странное выражение, словно чудовище раздумывало, что со мной делать.

Скользнула робкая надежда: может, оно не любит миниатюрных голых брюнеток? Правда, логично, если тут принято девушку отдавать в жертву, то нужно снимать с нее все тряпки — вдруг у чиу... змеюки несварение случится?

Раздвоенный язык коснулся моей щеки — влажный, горячий. Провел узкую дорожку по скуле к шее. Я сдавленно пискнула и зажмурилась. Попыталась пнуть змея ногой, но с тем же успехом можно пинать дерево. Дереву ничего, а вам — королевский ушиб.

Шипение змея стало подобно смеху. Разинулась огромная темная пасть, длинные острые клыки звонко щелкнули.

— Не-е-ет! — заорала я, понимая, что, кажется, наступил мой конец.

Что-то свистнуло в воздухе. Змей злобно зашипел и резко обернулся. Я мельком разглядела торчавшую из его бока стрелу с черно-красным оперением. Недоуменно моргнула. До этого подобные стрелы видела только один раз, когда с подружкой ездила в гости к ролевикам. А тут...

Змей кинулся к выходу. Только сейчас я сообразила, что в проеме стоит человек. Он отпрянул, выхватил меч и бросился на чудовище.

Сердце замерло. Мозг затопила паника: что, если змей сильнее? Убьет обоих?

Но в то же время затеплилась надежда. Я снова рванулась из цепей, по пещере прокатился громкий звон. Змей на миг обернулся, однако человек успел всадить меч в его тело. Пурпурные глаза застыли. Какое-то время я не дышала: достаточно ли этого, чтобы убить чудовище?

Змей медленно покачнулся. На темно-зеленой шкуре удалось разглядеть багрово-черную кровь. Еще миг — и чудовище рухнуло вниз, взметнув облако пыли. Человек стоял не двигаясь, внимательно глядя на врага. Теперь уже — поверженного. Подошел к мертвой туше и выдернул меч. Спокойно, уверенно, неторопливо. Капли змеиной крови упали на светлый песок, рассыпавшись темными бусинами. Наконец-то человек обратил на меня внимание. Нахмурился и подошел.

Он был выше на целую голову. Мускулистый, с широкими плечами и сильными руками. Предплечье левой обвивал широкий бронзовый браслет в виде крылатой химеры. Из одежды — одна набедренная повязка. Фигура такая, что многим моим соотечественникам и не снилось. Почему-то пришла аналогия с Конаном-варваром, прямо мужчина, сошедший со страниц книги. Только у этого волосы были белыми, с едва уловимым золотистым отливом. Насколько длинны — не определить, но, кажется, доходили до лопаток.

Правильные черты лица, высокий лоб, нос с маленькой горбинкой, светло-серые глаза, мрачно сведенные брови. Красивые губы и волевой подбородок. Тонкий белый шрам рассекал уголок правой брови. Только ничего не портил, наоборот — придавал особую привлекательность. Да уж... где такие мужики вообще водятся? Если б не стоял передо мной, то вовек бы не поверила.

— Значит, вот как... — произнес он.

Я понимала суть слов, но звучали они непривычно, словно голос доносился откуда-то издалека. Низкий, хрипловатый, голос настоящего мужчины.

Он посмотрел на меня. Стало не по себе, сердце пропустило удар. Так не смотрят на пленницу, не смотрят на врага, так смотрят на желанную добычу. На мгновение показалось, что компания змея была куда лучше.

— Помогите, — тихо попросила я, не понимая, чего нужно ожидать.

Вдруг сейчас отсечет мне голову? Мало ли, может, тут так принято, вопреки всем канонам спасения прекрасных дев от чудовищ.

Варвар подошел почти вплотную. Окровавленный меч так и не выпустил. Свободной рукой провел кончиками пальцев по моей щеке, обвел контур губ. Я как замороженная смотрела в серо-стальные глаза. Правда, при этом с трудом сдерживалась, чтобы не куснуть слишком наглые пальцы. Нет, я понимаю, что он великолепен, все дела... Но не очень-то люблю, когда начинают лапать незнакомцы, пусть и красавчики. Хотя прикосновение отнюдь не было неприятным, я все же невольно вжалась в скалу.

— Красивая, — задумчиво произнес варвар.

Нашел время делать комплименты!

— Спасибо, конечно. Вы тоже ничего, — пробормотала я, — но не сможете мне справиться с этим?

Я выразительно звякнула кандалами. Ну давай, красавчик, освободи меня, и потом потолкуем о красоте. Я тебя даже поцелую, если захочешь.

Однако он ждать не стал, быстро вплеп пальцы в мои волосы и прижался к губам. Целовал властно, даже грубовато, словно помечая свою собственность. Слова возмущения застряли в горле, меня вжали в скалу, не давая шевельнуться.

Я протестующе пискнула, но никто не обратил внимания. Паника стиснула горло удавкой. Не сожрут — так изнасилуют! Его ладонь накрыла мою грудь, по телу пробежали мурашки. Страх смешался с откровенно похабным желанием попробовать секс с шикарным мужиком, да еще и так нетривиально. Точнее, воспоминанием о похабном желании, которое когда-то казалось мне очень привлекательным. Но тут же все мысли о разврате испарились. Помутнение у меня, что ли?

Варвар тем временем легонько пробежал кончиками пальцев по животу, огладил бедро и мягко сжал ягодицу.

— Что вы делаете? — выдохнула я, едва он оторвался от моих губ.

Целоваться, кстати, умел. Но сейчас не те обстоятельства. Будь это ролевые сексуальные игры — с удовольствием. Но не сейчас.

— Чиу и впрямь в этот раз послал нечто удивительное, — неожиданно весело сказал он.

До меня дошло, что никто насиловать не собирается. Во всяком случае, здесь и сейчас. Варвар еще раз склонился ко мне, губы замерли в миллиметре от моих. Время застыло. От него пахло кровью змея, сильным мужским телом и металлом.

— Не двигайся, девушка, — приказал он и поднял меч.

Сжал рукоять двумя ладонями и рубанул по цепям. Раздался жалобный звон, мои руки обессиленно упали. Мышцы вмиг закололо, я поморщилась от неприятных ощущений. Однако углубиться и проанализировать состояние никто не дал. Он ухватил меня за запястье и потянул к выходу.

— Уходим.

Я открыла было рот, чтобы спросить куда, но решила, что лучше уж с ним, чем оставаться в пещере. Кстати, змея-то стрелой сразу ранили! А у этого нет даже намека на лук! Значит... пришел не один?

— А здесь больше нет таких? — все же осторожно поинтересовалась я, ступая за мужчиной.

— Нет, — уверенно ответил он. — Не бойся. Ты под моей защитой.

С одной стороны, спасибо, конечно. С другой — мама, за что мне все это?

Мы остановились на маленькой площадке возле входа в пещеру. Вдалеке голубело море, пронизанное солнечными лучами. Блестело так, что было больно глазам. Голубая лагуна, узкая полоска белого песка на берегу. Полукруглые скалы возвышались, пряча это чудесное местечко от морских вод. Кругом — можжевельник и сосны. Вдохнув наполненный ароматами воздух, я невольно улыбнулась. Напомнило Новый Свет в Крыму, очень красиво. Жалко только, что в пещерах тут живут всякие... гадины.

— Где мы? — спросила я, поглядев на мужчину. — И как тебя зовут? Спасибо, что освободил меня, и...

— Освободил? — Его брови удивленно поползли вверх. А потом раздался оглушительный смех, и пальцы варвара только крепче сжались на моем запястье. — Воистину Чиу потешается над племенем змееловов. Но, клянусь Асдейхом, мне это нравится!

Он потянул меня вниз, по извилистой крутой тропке. Ощувив себя полной дурой, я стиснула зубы и сделала глубокий вдох. Кажется, вляпалась серьезно. Ой, камни, камни, ветка, куда ж ты так скачешь, козел горный? Я на физическое здоровье не жалею, но голая по горам не скакала никогда.

— Эй-эй, не так быстро! — крикнула я, чудом удерживая равновесие и только и успевая ставить ноги след в след за этим неотесанным мужланом. — Если я сломаю ногу, то тебе придется нести меня на себе!

Варвар резко остановился. Я с размаху врезалась в его спину. Хорошо, хоть успела выставить руки вперед, а то б решил, что его домогаются. Вопросительно посмотрела, мол, что?

В серых глазах мелькнули веселые искорки.

— Нести? — довольно хмыкнул он. — Что ж... это можно.

И, резко перекинув меня через плечо, довольно насвистывая, принялся спускаться по тропке. Я вскрикнула от неожиданности. Вот силища-то! С чувством ткнула кулаком куда пришлось, однако он этого даже не почувствовал. Только хмыкнул и с грубоватой нежностью похлопал меня по ягодице.

— Будь хорошей девочкой, — донеслось невозмутимое наставление. — Повиси смиреннько.

* * *

К ночи стало прохладно. И если б не странный способ передвижения, который выбрал Грехт по прозвищу Молот (едва мы спустились с горы, он все-таки представился), то пришлось бы срочно искать хоть какой огрызок ткани, чтобы закутаться. Также все мысли были больше заняты нахальным варваром, потому на остальное я почти и не обращала внимания.

Грехт поставил меня на ноги только тогда, когда мы удалились на приличное расстояние от горы. Видимо, счел, что тут уже безопасно. Мне вопросов не задавал, а на мои особо отвечать не стремился. Обронил только, что места здесь заколдованные и лучше помолчать. Шли долго. Я угрюмо плелась следом. Попытка выдернуть руку из стального захвата ни к чему не привела. Потому пришлось топтать следом.

Кажется, прошло несколько часов. Вокруг стрекотали птицы, слышались шорохи — мелкие животные жили своей жизнью. Запах можжевельника и хвои витал в воздухе. Справа тянуло ароматом моря. Идеальное местечко для отдыха. Правда, не для моего. Факт собственной наготы уже как-то не особо смущал. Если не считать того поцелуя в пещере и далеко не двусмысленного обглаживания, то Грехт не проявлял никакого интереса. Его равнодушие давало возможность облегченно вздохнуть и следовать за ним. В конце концов, раз мы уйдем подальше от громадных змеюк, то это только к лучшему.

На очередную попытку узнать, куда направляемся, Грехт только покачал головой. Насупившись, я побрела за ним. Вот же ж...

Проделав внушительное путешествие, когда солнце склонилось к закату, мы вышли к открытой поляне, на которой был установлен маленький шалашик из шкур животных. Неподалеку паслась черная лошадь. Посмотрела на нас внимательно, но с заметной ленцой и снова опустила голову, принимаясь щипать траву.

Поговорить мы смогли только после того, как был собран хворост и зажжен костер. Я с удивлением обнаружила, что есть совершенно не хочется.

«Видимо, стресс от пережитого», — определила для себя и посмотрела на Грехта.

Все же хорош. Настоящий варвар с картинок Бориса Вальехо. Отблески языков пламени отражались в серых глазах. Лицо — так и хочется прикоснуться, провести пальцами по щеке, очертить линию носа, обвести красивые губы.

Я отвернулась, прогоняя навязчивые мысли. Этак можно дофантазироваться и до близости в высоких травах. А что? Я без одежды, он — почти. Только вот я не в том возрасте, чтобы романтизировать секс на природе. Все больше хочется комфорта, как городскому жителю.

— Как тебя нарек Чиу? — неожиданно спросил Грехт.

Я вздрогнула от неожиданности и подняла на него взгляд.

— Я не знаю, кто такой Чиу, а родители назвали Ладой.

Да, Лада Любарская, двадцати пяти лет от роду, москвичка, продавец в магазине шитья. Профессия не то чтобы слишком уважаемая, но я не жалуясь, мне нравится. Плюс хобби — сама делаю украшения. Подружкам дарила, в интернет-магазине выставляла... А имя — ну уж какое при рождении дали. И мама, и папа любили всякое необычное и благозвучное, с оттенком исконного. Вот и нарекли. В целом мне нравилось, никто особо не коверкал, а кто пытался коверкать, получал в лоб.

Варвар приподнял брови, потом улыбнулся, словно услышал нечто очень веселое.

— Ты первая, кто его так называет.

— Как? — оторопела я, при этом запоздало сообразив, что надо было бы задавать вопрос «кого».

— Родителем, — хмыкнул Грехт.

— Ну...

Про богиню любви и семейного уюта рассказывать явно не выход. Лучше побольше разобраться в обычаях и устоях этих мест, куда меня угораздило попасть. Поэтому пришлось ограничиться более краткой версией.

— Что значит твоё имя?

— Любовь, — ответила я.

Грехт молча посмотрел на огонь, потом на меня.

— Как смело, — наконец-то резюмировал он. — Но красиво. Мне нравится. Молот и

Любовь. Звучит хорошо.

Я недоуменно уставилась на него. Это еще что за сравнения? Или для путешествия нужно обязательно сводить имена к единому целому? Однако Грехт явно не обирался что-то еще пояснять. Эх, снова придется все брать в свои руки.

— Где мы? Можешь рассказать о племени змееловов?

Он снова удивленно посмотрел на меня.

— Неужто ты не знаешь, Любовь?

Голос прозвучал низко, ровно, с изумлением. Кажется, Грехт был абсолютно уверен, что для меня в порядке вещей по утрам приковываться к скалам и ждать мускулистых мужиков-спасителей.

Я понимала, что, возможно, сейчас совершаю ошибку, но иного выхода не видела. В крайнем случае буду играть героиню из мексиканского сериала, то есть с полной потерей памяти и ориентации. Так, стоп, ориентация — это, кажется, совсем не отсюда.

Однако Грехт не спешил. Он безмолвно пялился в огонь, молчание затягивалось и начинало напрягать. Уже и впрямь хотелось подползти поближе и потрясти его за плечи. Хотя... может, у них табу какое — разговаривать с женщинами? Спасти — пожалуйста, лапаты — пожалуйста, а вот делиться информацией — ни-ни.

Поняв, что ничего мне не светит, я тоже молча уставилась в костер. Плохо, очень плохо. То, что успела вспомнить по дороге, было до крайности мало и печально. Вопрос, как меня сюда угораздило свалиться, оставался без ответа. Еще не давали покоя два голоса, так и звучащие в голове. И имя Брэг. Такого явно не было в моем окружении. Все простые и славянские.

— Уже поздно, — вдруг произнес Грехт и медленно поднялся. — Пора спать. — Он указал на шалаш. — Встанем на рассвете. Пределы змееловов заждались меня.

И, не оглядываясь, направился к шалашу.

Я еле слышно фыркнула и устроила подбородок на коленях, молча пялясь в пламя. Да уж, мил друг, все ясно и понятно. Придется разбираться на месте. Хочешь не хочешь, позже все равно в шалаш придется плестись, иначе замерзну тут. Да и нести вахту всю ночь я не вызывалась.

— Любовь! — окликнул Грехт. — Ты что, не слышала?

— А? — Я обернулась и встретилась с чуть прищуренными серыми глазами.

Ой, кажется, он раздражен. Возможно, почти злится. Только в чем дело? Что не так-то?

— Что? — спросила совершенно невинным тоном.

— Ты идешь? — уточнил он, не шелохнувшись.

Я заколебалась. Что-то вид у него какой-то недобрый, доводить не стоит. Язвить — тем более. Медленно приподнялась.

— Здесь в одиночку опасно, да? — осторожно поинтересовалась.

Грехт закатил глаза, быстро подошел ко мне.

— О Асдейх Великий, дай мне силы, — пробормотал он и неожиданно подхватил меня на руки.

Я взвизгнула от неожиданности и вцепилась в него. Нет, так, конечно, куда приятнее, чем задницей кверху, но все же у меня есть ноги!

— Да объясни ты толком! — прошипела я. — Или так нравится меня таскать туда-сюда?

— У тебя острый язычок, — довольно хмыкнул варвар, чуть склоняясь и внося меня в темноту шалаша. — Но да, ты права, Любовь, мне действительно это нравится. Да и разве не

для того создал Великий Змей женщину и мужчину, чтобы они друг другу нравились?

У меня пропал дар речи. Пока соображала, что ответить, ощутила, как меня укладывают спиной на мягкий мех. Грехт лег рядом и по-хозяйски прижал меня к себе. Я слабо запротестовала, но меня вжали в импровизированное ложе. Приятная тяжесть и ласки уверенных мужских рук не дали возразить.

На миг вспомнилась библейская легенда о мужчине, женщине и змее, однако мне не дали раскрыть рта, впившись в губы горячим властным поцелуем, заставившим забыть обо всем на свете.

— А еще, — шепнул Грехт, нежно лаская мою шею, — женщина должна слушаться мужчину. И, клянусь богами, так и будет.

* * *

А потом было солнце. Оно грело, гладило, мягко обволакивало золотистыми лучами. Ширилось и росло, заливая мир ослепительным светом. Я даже не сразу поняла, что больше не нахожусь в темном шалаше.

Неуверенно поднявшись на ноги, глянула вдаль и замерла, потеряв дар речи. Там, внизу, простиралась золотисто-зеленая долина. Река извилисто огибала крутые берега. Ветер шелестел листвой фруктовых деревьев, табуны лошадей паслись на изумрудных лугах. Неподалеку — светло-коричневые шатры, между ними ходили женщины и дети. Мужчин не видно, но отчего-то была уверенность, что они на охоте.

Я стояла на каком-то возвышении и невольно шагнула вперед, однако тут же покачнулась. Опустила взгляд и охнула. Под моими ступнями медленно ползла огромная змея. Настолько широкая, что на нее могло стать десять человек. Черная спина, изрисованная золотым узором, поблескивала на солнце.

Меня быстро обвинил огромный хвост. Но не с целью раздавить, а так — придержать мягонько.

— Чего боиш-ш-шься, дочка? — прошипели совсем рядом, и напротив моих появились золотые глаза с вертикальными зрачками. — Чиу в обиду тебя не даст.

Полосы зрачков вдруг расширились, все вокруг затопил непроглядный мрак.

— И была тьма, — неизвестно откуда донесся низкий нечеловеческий голос, — и плавал в ней многохвостый змей Чиу, наслаждаясь покоем и космической гармонией. Но потом пришел час перемен, и появился Асдейх, хозяин света. И создал Чиу землю, черную и влажную, а Асдейх — солнце, горячее и сияющее. И вдохнул Асдейх жизнь в мужчину, наделив его силой и храбростью, а Чиу сотворил женщину, подарив ей ум и змеиную мудрость.

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, пытаюсь уйти от гипноза золотых глаз.

— А дальше? Будь все в порядке, не стали бы приковывать девушек к скалам?

— Верно говориш-ш-шь, — шипяще рассмеялся Чиу. — Сообразительная девочка. Даже мы, древние боги, порой что люди. Рассорились. Уж не помню из-за чего. Вот в отместку и были наделены женщины хитростью и изворотливостью, чтобы испортить жизнь творениям Асдейха.

— У нас тоже жизнь мужчине испортил тандем женщина-змей, — пробормотала я.

— Что? — спросил Чиу.

— Это я так, не отвлекайся.

Он хмыкнул. Холодно, хищно, по-змеиному. Аж мурашки побежали по спине.

— Но потом пришла беда...

Я хотела было спросить какая, но почувствовала, что меня осторожно трясут за плечо. С трудом открыв глаза, сонно посмотрела на склонившегося надо мной Грехта. Он выглядел немного обеспокоенным.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — беспокойство скользнуло даже в хриловатом голосе, отчего стало вдвойне приятно.

— Нормально, — ничего не понимая, ответила я. — Только не проснулась, а что?

Он молча указал на мою руку.

— Мы не успели. Инициация началась слишком рано.

Я нахмурилась, посмотрела на свое запястье и тихонько ахнула. Всю руку от запястья до локтя окутывало янтарно-желтое сияние.

Глава 2

Дочери Чиу

Сказанное отчего-то мне не понравилось. Ни тоном, ни выражением лица Грехта. К тому же сон еще не выпустил из своих цепких объятий. Перед внутренним взором так и стояли глаза змеиного бога.

— Я случайно не умру? — хмыкнула я.

До конца воспринять ситуацию не получалось, особенно учитывая, что понятия не имела, чего нужно ждать и опасаться.

Грехт недоверчиво глянул на меня, а потом довольно улыбнулся.

— Кажется, Великий Чиу решил и впрямь наградить меня необычной девой. Или ты воистину ничего не боишься?

Он поправил что-то у меня под головой. Я повертелась и сообразила, что всего лишь валик. Хм, удобно. Не так уж тут и первобытно.

Кстати... Я прищурилась, разглядывая его лицо. Грехт назвал меня девой. Это такой оборот речи или?.. Вообще-то, девственность я потеряла три года назад, поэтому под определение невинной раскрасавицы никак не подхожу. Вчера же... все происходило как в тумане, поэтому я не могла понять самого важного: переспали мы или нет? И еще этот сон! Вот кто просил меня будить, а?

— Боюсь... — задумчиво сообщила я. — Порой. Только сложно бояться, когда ничего не знаешь.

Рука вдруг начала болезненно пульсировать, словно меня укусило сразу несколько пчел. Я поморщилась. Ничего не имею против пчел, но только когда ем мед, а не спасаюсь от жал!

Грехт быстро встал, взял из угла шалаша небольшую котомку и поставил рядом со мной.

— Лежи, отдыхай, — в голосе зазвенела сталь. — Все равно идти не сможешь.

Он раскрыл котомку и достал небольшой сверток, остро пахнувший травами. Осторожно приложил к светившейся коже и придавил.

— Держи. Это делала Хейдра, наша целительница. Снадобье притушит боль.

По коже и впрямь растеклось ощущение приятной прохлады. Я едва сдержалась, чтобы не застонать от удовольствия. Грехт положил ладонь мне на лоб. Она оказалась тяжелой и жесткой, но в то же время совершенно не хотелось, чтобы ее убирали.

— Я скоро вернусь, — произнес он. — Принесу воду и пищу. На улицу не выходи. Хоть мы и отошли от заколдованных мест, но лучше не испытывать судьбу.

— А что может случиться? — любопытно спросила я, разглядывая варвара.

Все-таки чертовски красивый мужик. Теперь все мозги себе выем, пока не определю — переспали мы или нет? Судя по ощущениям — нет. Но тогда получается, что... потискались, будто стыдливые школьники, и спать? Не складывается.

— Здесь есть хищники, — коротко бросил Грехт и неожиданно провел рукой по моим волосам. — Однако они достаточно трусливы и сами сюда не сунутся. Только если по незнанию влезешь на их территорию.

Ласка оказалась приятной. Я прижмурилась довольной кошкой. Что ж, в конце концов, коль я попала неведомо куда, можно попробовать извлечь из ситуации и положительные моменты. Вот, например, этого золотоволосого варвара. Дома-то таких и близко нет!

Грехт уже убрал было руку, но я успела ее перехватить. В серых глазах скользнуло легкое недоумение, на губах обозначилась улыбка.

— Что, Любовь? — спросил он низким проникновенным голосом. По спине пробежали мурашки, и вдруг стало ясно — я не против повторить ночные ласки, и желательно — до самого конца. Удостовериться, так сказать. Надо же быть уверенной, что все прошло в соответствии с канонами о том, чем должны заниматься голая женщина и голый (набедренная повязка не в счет) мужчина в полумраке шалаша на лоне природы.

— Слушай, а у нас с тобой... — я замялась, подбирая нужное слово. — Вчера что-то... было?

Грехт удивленно приподнял бровь.

— Женщина, ты говоришь загадками.

Внезапно. Впрочем, не одна я тут этим занимаюсь — послушали бы ваших богов!

— Ну...

М-да. Вроде не юная безгрешница, а пропасть в культурах все же берет свое. Глубоко вдохнув, я выпалила на скорости, глядя прямо ему в глаза:

— Мы вчера переспали?

Клянусь всеми богами, хоть вообще-то, по сути, атеистка, его лицо отразило такое недоумение, что я невольно рассмеялась. Да уж, кажется, у них тут так немного не принято.

Сверток с травами чуть не упал на шкуры, и я быстро прижала его к запястью, отпустив своего варвара. Впрочем, Грехт уже пришел в себя.

— Чиу и впрямь приводит в наш мир женщин, в некоторых вещах несмышленных, словно младенцы. Он поднялся. — Не бойся, Любовь, до инициации и ритуала в племени ты не станешь женщиной.

Я поперхнулась и сделала вид, что с пристальным вниманием изучаю сверток. Да уж. Парень, на минуточку, ты опоздал. Вот пораньше бы пришел, до Витальки, однокурсника моего черноокого, то, может быть, у нас чего вышло бы, а так... Кхм, что-то меня не туда понесло.

— Будь тут, — произнес Грехт. — Я скоро вернусь.

Я насупилась. Ишь, раскомандовался! Впрочем, часть мозга, которая была ответственной за логическое мышление, подсказывала, что он прав, а потому — лучше согласиться.

— Но знаешь... — неожиданно произнес он, замерев в шаге от выхода и обернувшись. — Ритуал ритуалом, но это не отменяет того, что дочь Чиу желаннее любой женщины.

На его губах появилась полунасмешливая-полупохабная улыбочка, и мне тут же захотелось швырнуть чем-нибудь тяжелым.

Грехт только довольно хмыкнул и покинул шалаш. Я шумно выдохнула, стукнула кулаком по шкуре. Инициация, змеи, боги какие-то... Бред сумасшедшего! Свечение стало не столь заметным, боль приутихла, зато бросило в жар. Я стерла испарину со лба.

Чиу. Мне нужен этот проклятый змей. Грехт сильно не вовремя меня разбудил.

Я прислушалась. С улицы доносился только шум ветра и пение птиц. Хм, наплевать на слова варвара и выйти подышать свежим воздухом?

Конечно, ноги размять хотелось, но интуиция требовала сидеть на месте.

— Ладно, — буркнула я, — побуду послушной девочкой.

Искренне хотелось верить, что Грехт не притянет тушу кабана, не кинет мне местный

аналог мачете и не велит разделять тушу. Так-то я крови не боюсь, но самое зверское дело, которым занималась, как когда-то говорил артист Леонов в фильме «Полосатый рейс», — резала докторскую колбасу. Ну ладно, еще курицу и мясо. Но не тушами же!

От нечего делать я заглянула в котомку. Хм, что у нас тут? Еще свертки. Судя по запаху — опять же травы. И светлая ткань, на лен похожа. Не такие уж и дикари наши ребята. Надо бы повнимательнее присмотреться к набедренной повязке варвара.

В руках оказалась небольшая, размером с ладонь, баночка с приятно пахнущей мазью. Бережно сложенные листья, по запаху напоминавшие мяту, переложены тонким полотном и бережно завернуты в ткань поглубже.

Аккуратно сложив все как было, я отодвинула котомку и улеглась на спину. Пульсация в руке возобновилась, пришлось вновь нащупать сверток с травами. Итак, сейчас есть возможность полежать и подумать. Сформулировать. Если увижу Чиу, то вытрясти из него всю душу: как я тут оказалась? Зачем приковали к скале? Ну и, собственно, как вернуться домой? Мне все-таки на работу надо, да и родители переволнуются. А я хоть и не пай-девочка, но и не совсем оторва.

Против компании Грехта я ни капли не возражала, пусть даже его намерения были столь далеки от невинных, как этот шалаш от московского небоскреба. Красивый мужик, хоть посмотреть... На руках носит, от чудовищ спасает. Не так плохо, как может показаться. А главное — не перед кем стыдиться.

Я и сама не заметила, как в размышлениях провалилась в сон. На этот раз меня снова сжимали кольца Чиу, но вокруг не было ни солнечной долины, ни бездонного неба — только бесконечный мрак и космический холод. Начало и конец всего.

Сердце больно укололо, мышцы в руке свело судорогой. Я вскрикнула.

— Ты хотела меня видеть? — прошипели на ухо. — Я здесь, дочь моя.

— Ну, допустим, не совсем дочь, — заметила я, глядя в огромные золотистые глаза, отчего голова пошла кругом.

Да уж, дерзить — очень неосмотрительно, но почему-то ужасно хочется. Видимо, есть подсознательная уверенность, что «дочь» не тронут.

Чиу искоса глянул на меня, кажется, с лукавством во взгляде.

— Еще нет, конечно. Но скоро ей станешь, Ладушка.

Я вздрогнула. Так меня называли только родители. Внимательно посмотрела на змея, постучала пальцами по чешуйчатым кольцам.

— Чиу, может, ты, конечно, и бог, но посвяти меня в происходящее. А то я как слепая на оргии! Все надо делать на ощупь!

Змеиные кольца чуточку сжались, заставив взвизгнуть и запаниковать. Чиу шипяще рассмеялся.

— Дерс-с-ская девчонка.

— Тут с вами станешь, — буркнула я, чувствуя, как кольца медленно расслабляются. — Иначе ж нельзя. Только зазеваешься — цап! — и готово.

— Что готово? — полюбопытствовал Чиу, его огромная голова прижалась к моему плечу.

Я как-то резко остыла, все желание буянить исчезло.

— Другой мир, — тихо произнесла я. — Ведь правильно же?

Поначалу такое предположение показалось дурацким. Потом — фантастическим. Но после сна появилась твердая уверенность: это не моя родная земля. Как поняла? А черт его

знает. Возможно, сыграло, что не бывает таких больших глюков... то есть змей. А может...

Чиу внезапно тихо вздохнул:

— Что ж, ты не так глупа, как представилось с первого раза, — с легкой иронией заметил он.

Захотелось пнуть бога, но я благоразумно воздержалась. Еще удавит от избытка чувств.

— Мир Азулу проклят, — прошипело возле уха, и по коже пробежали мурашки от прикосновения влажного языка. — Наша ссора с Асдейхом была не единственной. И после каждой — рождались демоны. Много бед приносили. Но сама понимаешь... — Чиу на какое-то мгновение умолк, а я задержала дыхание, не смея прервать его речь. — Я все же считал себя более виноватым, старый змей, мог бы и подумать. Но нет — сила разрушения берет свое...

Меня крутанули в черном пространстве. Я со страху впила пальцами в кольца, однако Чиу только мягко рассмеялся.

— Успокойся, не уроню, — утешил он, правда, тут же добавил: — Если будешь хорошо себя вести.

— А если не буду? — осторожно спросила я, не особо горя желанием узнать, куда меня могут бросить.

Чиу улыбнулся, и эта улыбка мне совсем не понравилась.

— Так что с демонами? — аккуратно возвратила я разговор в прежнее русло.

— Плохие ребята, — поделился мнением Чиу. — Бегают везде, гадят. Беспредельничают — ужас. В общем, помогать людям надо.

— И-и-и?

— Вот и приходится одаривать их своими дочерьми, — задумчиво произнес Чиу, шлепнув хвостом в чернильном пространстве. Миг — вокруг вспыхнули миллиарды звезд.

— Так лучше, — пробормотал он, — а то старею, понимаешь, вижу плоховато. Так вот, о чем мы тут?

— О дочерях, — ехидно подсказала я. — Которые каким-то образом забираются из других миров, правильно я поняла?

— Угу, — как ни в чем не бывало согласился Чиу. — Видишь ли, Лада, женщины восприимчивее к моим божественным дарам.

Прозвучало с такой жалобной интонацией, что я невольно рассмеялась.

— Мужчины — чурбаны неотесанные? — уточнила, поудобнее устраиваясь в кольцах бога. Кажется, это не так уж и плохо, как может показаться.

Чиу вздохнул:

— Да. Есть такое. Впрочем, что можно было ожидать от созданий Асдейха...

Так, это, конечно, хорошо. Но нам бы ближе к телу, тьфу, делу. Я поерзала, стараясь отвлечь внимание Чиу.

— Не возись, — строго сказал он, и пришлось замереть. — Так вот. С местными женщинами последнее время одни неприятности...

Мне показалось, что Чиу поморщился. Судя по всему, женщины варваров стали не лучше мужчин. Что ж, такое бывает. С кем живешь, от того и нехороших вещей набираешься.

— Поэтому пришлось договориться с вашими богами на обмен, — закончил он.

У меня отвисла челюсть от такого заявления.

— Подожди-подожди. — Я попыталась принять относительно вертикальное положение, однако ничего не вышло. — С какими это — нашими богами? И я, конечно, рада, но все-таки

это не их, а меня сюда засунули!

Чиу лениво зевнул и улыбнулся:

— Тебе понравится, — обезоруживающе сказал он. — А боги... Поверь, у вас их больше, чем вы можете предположить.

Золотой глаз задорно подмигнул. Я задохнулась от возмущения и стукнула кулаком по чешуйчатому телу. И плевать, что выронит! Точнее, не выронит! Если б не была нужна, то не тащил бы из одного мира в другой.

— Почему я?!

Взывать к совести не было смысла. Глядя на эту самодовольную морду, я понимала, что такая у Чиу попросту отсутствует. Не морда — совесть. Некоторое время мы молча жгли друг друга взглядами. В конце концов пришлось признать свое поражение. Но оно-то и неудивительно — тягаться с богом.

— Поверь, так лучше, — тихо произнес Чиу. — Двадцать третьего марта две тысячи шестнадцатого года по вашему летоисчислению ты бы погибла. Полетела к родителям, а самолет попал в аварию.

Я замерла, не веря своим ушам. Слышать современные слова от существа из странного мира и времени было просто невообразимо. Потому сказанное проходило сквозь какую-то завесу. Самолет... авария...

— Но до этого я не один раз летала, и... — начала я.

— Было нормально, — грустно продолжил Чиу. — Да, так оно и бывает. Все нормально-нормально, а потом — бац! И все вверх дном. Поверь, девочка, я знаю, о чем говорю.

Я посмотрела в золотые глаза и увидела:

...бескрайнее синее небо, потом — стальную птицу с красной полосой на боку. Ощущая спинку сиденья, слышу мелодичный голос стюардессы, которая просит подготовиться к посадке. А потом — удар, боль, вопли ужаса. Сирены, дождь и, мама-мама, как больно. Мертвенная белизна потолков больницы и тихое: «Мне очень жаль». Да нет, это не больница... Но что? И снова дождь. Люди в черном. Небо — серое-серое. И снова дождь, только черными цветами раскрываются зонты. Монотонная молитва, бледные лица родителей, глаза, что провалы в черноту. И хочется крикнуть: «Я здесь!» — а не выходит. Горло — сухое, и горсть сырой земли падает сверху. Еще и еще. И дождь...

Я вздрогнула. Моргнула. Голова Чиу раскачивалась из стороны в сторону, длинный язык дрожал.

— Верь мне.

Я сглотнула и глубоко вдохнула. Прикрыла глаза. Хотелось, чтоб страшные картины были просто наваждением. Но бешено колотящееся сердце подсказывало: это не так. Чиу действительно показал будущее.

— А... родители? — тихо спросила я.

Чиу только издал неясное шипение. Кажется, лучше спросить попозже. Кое-как очухавшись от увиденного, я посмотрела на змея.

— Что я должна делать?

Чиу коснулся хвостом руки. Запястье вспыхнуло болью, я вскрикнула.

— Тш-ш-ш, так надо.

Округлившись от изумления глазами я смотрела, как от локтя до запястья левой руки обвилась пунктирная спираль, вспыхнула ярким огнем и тут же потухла, оставив на коже едва заметное сияние. Я ощутила легкое покалывание и тепло, будто только что убрала руку

от огня.

— Это моя метка, — шепнул Чиу. — В беде прикоснись к ней или позови. Придет кто-то из моих чиучалэ — в обиду не даст. Но об этом должны знать только змееловы. В Азулу много народов, не все чтят меня, многие преступают змеиный закон. А красивых женщин — любят. Поэтому — будь осторожной.

Кольца чуть ослабли, внутри все подскочило от страха. Я вцепилась в Чиу.

— Стой! Подожди! Еще один вопрос!

— Ну? — недовольно буркнул он. Кажется, беседовать с человеческими девицами бог не очень-то любил. Или любил. Но не очень долго.

— Почему я была прикована в пещере? От кого спас меня Грехт? Кто такой Брог?

— Один вопрос только, Лада, — довольно хмыкнул Чиу. — Ты плохо считаешь, потренируйся на досуге.

— Да как... — возмутилась я, но неожиданно услышала резкое ржание коня и раскрыла глаза.

Коней было явно больше одного. Сон мигом слетел. Пробудилась сладко дремавшая до этого интуиция и завопила, что надо делать ноги. Змея-спираль на руке вспыхнула желтым.

— Надеюсь, понимаю все правильно, — пробормотала я и глянула сквозь щелку. Пока никого не видно, но земля дрожит, а шалаш тут стоит, как тополь на Плющихе, во всей красе. Захочешь мимо пройти — не пройдешь.

Мигом подхватив котомку, я выскочила из шалаша и метнулась к густым зарослям, окружавшим поляну. Конечно, не особо умно, но все же лучше, чем сидеть и ждать. Трусость в предупреждении неприятностей — это не трусость, а благоразумное предвидение. По крайней мере, хочется так думать.

Котомку прихватила из чисто хозяйственных побуждений. Вдруг придется валить подальше? Грехт — мужик сильный, знающий, без нее справится. Или же наоборот — если ему сильно потребуются вещи, то отыщет меня во что бы то ни стало. Логика получалась страшно женской, но другой я просто не владела.

Практически распластавшись на земле, я замерла.

На поляну выехали несколько всадников. Все — здоровые сильные мужики. Ладно скроенные, по типу Грехта. Только тот больше походит на викинга, а эти явно с примесью южной крови. Темноволосые, смуглые, однако не менее рослые.

Затаив дыхание, я насчитала восемь человек. Да уж, почти отряд. Почти все в кожаных доспехах, у некоторых на головах — рогатые шлемы. Я невольно сжалась. Ой, не нравится мне это, совсем не нравится.

К шалашу подъехал один из них. Образчик самца с картины Вальехо. Мышцы бугрились под бронзовой кожей. Черные волосы волнами ниспадали на плечи. Да уж, такой руку пожмет — потом долго лечить переломы будешь. Торс — обнаженный. С таким видом можно смело идти в авангарде при нападении на племя амазонок. Воинственные девы мигом позабудут о войне и утащат красавца на ложе. Все сразу.

Он обернулся, словно услышал мои мысли. Высокий лоб, нахмуренные брови. Глубоко посаженные черные глаза — правда, не настолько, чтобы портить внешность, уж скорее придают свирепый вид. Прямой нос, квадратный подбородок. Есть ли шрамы — понять трудно: либо совсем тонкие, либо пока еще нет. Губы сурово поджаты. Глаза внимательно смотрят, словно выискивают добычу. Охотник. На мощной шее — ожерелье из чьих-то клыков. Не такой, как Грехт. Однако не чувствовалось ни особой свирепости, ни желания

уничтожить. Хотя казалось, наэлектризовался воздух. И все же красив. Дикой, неукрошенной красотой, которой в городах не сыскать.

Я вжалась в землю еще сильнее, проклиная всех богов, в особенности Чиу. Ну вот какого, а? Он же только начал говорить про племена, и тут такое здрасте! Поскорее бы вернулся Грехт. В жизни не особо горю желанием перекладывать проблемы на плечи мужчин, но здесь иного выхода не вижу.

К черноволосому варвару подъехал второй. В рогатом шлеме, пониже ростом и поуже в плечах.

— Они должны быть рядом. Далеко бы еще не ушли.

— Я вижу, Брог, — хмыкнул тот, и я вздрогнула.

Чиу ответа не дал, но, кажется, привел этого человека чуть ли не за руку.

— Змееловы всегда быстро уходят, — проворчал Брог, метнув взгляд в кусты, чуть поодаль от меня. — Но предсказатель не мог ошибиться, Чиу дал им женщину.

— Хорошо бы, чтоб твой предсказатель не оказался шарлатаном, — хмыкнул черноволосый, судя по всему, главный в этом отряде, и спрыгнул на землю. — Но здесь никого нет.

«Правильно, — подумала я, — абсолютно правильно. Никого нет, валите куда хотите. И женщин тут тоже никаких нет!»

— Тургун, Урья не ошибается, — заметил Брог.

Но тот только отмахнулся и нырнул в шалаш. У меня возникла предательская мысль отползти куда подальше, но разум возобладал. Все же Грехт говорил о хищниках. И влезть на их территорию, а потом с воплями вылететь в объятия этих варваров — идея не из лучших.

Тот, которого называли Тургун, тем временем вышел из шалаша.

— Змеелов еще не добыл женщину, иначе б там не было такого беспорядка.

Я прикусила губу. Беспорядок? А разве там что-то было, кроме шкур да котомки? Да и та сейчас возле меня. Хм, определенно я тут многого не знаю.

— К пещере? — крикнул кто-то из воинов.

Тургун было кивнул, но потом замер. Медленно-медленно, словно зверь, заслышавший подозрительный звук, он обернулся. Посмотрел прямо на меня.

Я почувствовала привкус крови — прокусила губу, значит. Но молчать. Надо молчать — чтобы невольно не выдать себя даже вдохом. Внутри все сжалось от страха. Взгляд черных глаз не предвещал ничего хорошего.

Бесшумно, словно огромная хищная кошка, Тургун двинулся ко мне. Казалось, можно было рассмотреть, как солнце отражается в черных волосах, излучивает его фигуру, превращая в бога, созданного из солнечного света.

Воздух стал вязким. Каждое движение Тургуна — будто слово в приговоре. И приговор явно не в мою пользу. Я сжала кулак и мысленно воззвала к Чиу. Ну же! Ты ведь сам сказал, что могу позвать!

Никакого ответа не приходило, однако Тургун замер всего лишь в шаге от того места, где скорчилась я. Втянул воздух, как хищник, и неожиданно коротко рыкнул. Я только чудом не пискнула и не шевельнулась. Звук... может ли такой издавать человеческое горло? В его движениях появилось что-то странное, пугающее еще больше.

Чиу! Помоги мне, Чиу! Отец змеиный, мангуст тебя за хвост, я ж сейчас заору как резаная!

Вдруг Тургун посмотрел мне прямо в глаза.

Я поняла, что обнаружена.

Глава 3

Племя змееловов

Время застыло. Горло перехватило. Он смотрел на меня сверху вниз. Казалось, сейчас наступит ногой и раздавит как букашку. Он был так близко. Можно даже дотронуться до мускулистой ноги в кожаном сапоге до колена, провести пальцами по голени, скользнуть выше. Я сглотнула. Ага, дотронуться. А потом ка-а-ак ухватит за волосы и потащит на поляну.

Чудом только не зажмурилась и продолжила бесстрашно смотреть ему в глаза. Просто бежать уже было поздно, а падать в обморок... над этим я как-то не подумала.

Но он внезапно нахмурился и резко развернулся.

— Поехали, — бросил рычащим голосом своим людям, — к пещерам.

Молниеносно взлетел на гнедую лошадь и резко прищорил. Та заржала и рванула вперед. Никто не задавал вопросов, и я, полная недоумения, молча смотрела вслед, не в силах поверить в произошедшее. На какой-то короткий миг показалось, что Тургун обернулся. Но поднимающаяся от копыт лошадей пыль не дала разглядеть как следует.

Некоторое время я тупо смотрела на поляну. Потом, сделав глубокий вдох, поднялась. А ноги-то дрожат. Так, не отходить от шалаша — приказание веселое, но вдруг они вернутся? Кем бы ни были эти рогатые со своим Тургуном, встречаться с ними никак не хотелось.

Убедившись, что вокруг никого нет, я вышла на поляну. Осмотрелась. Еще вчера заметила, что по узенькой дорожке между кустами можно выйти к озеру. Горло пересохло, отчаянно хотелось пить.

Вздыхнув, я посмотрела на небо, приложив ладонь козырьком. Солнце высоко. Где носит этого Грехта? Пробурчав пару страшно нецензурных слов, я побрела к озеру. Взгляд упал на руку, отмеченную Чиу. Кожа чистая, ни намека, что еще недавно что-то было из ряда вон выходящее. А ведь без его помощи точно не обошлось! Может, накинул какой-то полог невидимости? Ведь Тургун смотрел прямо на меня.

Я вздрогнула, вспомнив его взгляд. Бр-р-р, с таким лучше не встречаться один на один — всю душу вытрясет же.

Берег озера оказался укрыт мелкой галькой. Я поморщилась. Эх, мечта моя, отдохнуть на пляже и чтоб с мягоньким песочком, а не прыгать с камня на камень, как горная козочка. Учитывая, что пловчиха я так себе, песок становился желаннее с каждой поездкой на юг.

Только юг был далеко, а варвары, странный бог-змей и прозрачная вода озера — здесь, рядом. Я присела, положив котомку. Мысль, что Грехт, не обнаружив меня, решит, что я его ограбила, порядком повеселила.

Я плеснула на лицо водой. Уф, как хорошо! Полцарства за минералку. Я вздохнула. Какая, к черту, минералка? Ладно, не буду сильно мнительной. Если суждено отравиться водой, так ничего не поделаешь. Это лучше, чем загнуться от жажды.

Набрав воды в ладони, я сделала несколько глотков. Вкус показался божественным. Жаль, ни фляги, ни чашки. Так и пришлось черпать руками. Правда, это уже было такой мелочью, что я почти не обращала внимания.

Кое-как утолив жажду, поняла, что идея искупаться и смыть с себя грязь и пыль не так плоха. Огляделась — вроде никого нет, быстро скрутила волосы узлом и направилась в воду.

Волосы у меня красивые, черные-черные, с синеватым отливом, если на солнце смотреть. Но очень тяжелые, заразы. И сохнут долго — длиной до пояса же. Поэтому лучше не мочить.

Я осторожно вошла в озеро, зябко ежась от прохладной воды. Правда, возможно, не такая уж прохладная, просто я перенервничала. Так еще и температура воздуха по-летнему хороша. Такое явно не северное лето.

Поплескав на плечи и грудь, фыркнула и медленно пошла дальше, внимательно смотря, куда ступаю. Дно оказалось изумительно чистым. Рядом иногда сновали маленькие серенькие рыбки, но больше никого не было.

«И слава богу, — подумала я, — и нашему, и змеиному».

Солнце пекло в макушку, опаляло спину. Набравшись смелости, резко присела, чтоб вода укрыла до шеи. И повторила маневр. Прямо как в детстве, когда боязно заходить в море и очень обидно, что мама с папой уже отошли далеко и манят за собой. А в воде хорошо, можно так немножко посидеть и привести мысли в порядок.

Я вздохнула. Детство осталось где-то там. Тут же другой мир. И хоть я не собиралась складывать руки, сейчас было бесполезно что-либо предпринимать. Для начала надо добраться до племени Грехта и выведать побольше про местные обычаи и традиции. И географию неплохо бы изучить. А заодно — и какую мне тут гото...

— Что ты тут делаешь? — низкий хриловатый голос прервал мои размышления.

Вздрагнув, я подняла взор. На берегу стоял Грехт. Губы сжаты в линию, брови нахмурены, глаза мечут стальные молнии. В руках снова сжимает меч, как и в первую нашу встречу. Настроение у него, кажется, истинно варварское. Если не выйду на берег, влезет в озеро и притопит собственноручно.

Так, что обычно в таких случаях делают? Мысли метались с бешеной скоростью. Я медленно поднялась из воды. Убедившись, что взгляд Грехта опустился в зону декольте, глубоко вдохнула. Так, кажется, внимание приковано неплохо. Все так же суров, но определенно заинтересован.

— Я и не думала нарушать твоего... — я запнулась, подбирая нужное слово, — указания. Но прискакали какие-то люди. Их было много.

Говоря это, медленно, шаг за шагом, шла к Грехту.

— Что за люди? — коротко бросил он.

Стоило только оказаться в пределах досягаемости, как Грехт резко ухватил меня за запястье и притянул к себе. Я стиснула зубы благодаря судьбу, что сжал все же не слишком сильно.

— В кожаных доспехах и рогатых шлемах. Среди них был тот, кого называли Тургун.

Пальцы Грехта до боли впились в мое запястье. Я поморщилась.

— Он тебя видел? — спросил таким тоном, что паясничать и умничать резко перехотелось.

— Нет, — честно ответила я. — Они поскакали к пещерам. Пожалуйста, не сжимай так руку, мне больно!

Хватка ослабла, но раскаяния в глазах Грехта я не увидела. Кажется, он до сих пор был недоволен моим непослушанием.

— Почему ты вышла? — Он указал на лежавшую справа котомку. — И зачем взяла с собой вещи?

— Потому что хозяйственная! — неожиданно взорвалась я. — Слушай, ты сам сказал — тут некого опасаться и даже хищники трусливые! Но как-то совсем не упомянул, что могут

шастать и другие хищники — двуногие! Они говорили о нас: женщине и змеелове. Так как других таких тут нет, смею предположить, что речь шла именно о нас! К тому же настроение у них было крайне не миролюбивое.

Выражение лица Грехта изменилось. Раздражение, почти злость, сменилось недоумением. Повисла тишина. Ну, что еще?

Он неожиданно запрокинул голову и громко расхохотался. М-да. Но уже не собирается придушить — и то хлеб. Я мрачно потирала запястье.

— Чему ты так смеешься, о Молот?

Прозвище почему-то заставило его резко прекратить веселье. Однако в глазах все еще плясали задорные искорки.

Он присел возле котомки и поманил меня.

— Иди сюда.

Осторожно приблизившись, я присела рядом и уставилась на него.

Грехт что-то достал из котомки и протянул на раскрытой ладони. Продолговатый овальный камешек темно-зеленого цвета. На солнце красиво переливается, словно галиотис.

— Это змей-амулет, камень, которым одарил нас Чиу. Мощи этого хватает, чтобы сделать невидимыми нас двоих, да еще и лошадь.

Ну замечательно! Появилось желание треснуть его по золотистой макушке. Как все прекрасно и замечательно, все продумано! Только мне об этом не сказали ни слова. Хотя со стороны — весьма благородный поступок. Ведь под невидимым покровом он оставил меня в шалаше, а сам помчался на охоту.

Я посмотрела на него исподлобья.

— Ну а мне сказать ты мог?

В серых глазах мелькнула тень сомнения. Грехт явно не рассматривал такой способ предупреждения, однако уже не стремился в чем-то обвинять. Закрыв котомку, посмотрел на меня.

— Ты же дочь Чиу, должна была...

Я помотала головой.

— Хотелось бы, но ничего подобного. Пока что я как слепец.

Грехт продолжал смотреть на меня. От этого по коже пробежали мурашки. Сердце вдруг застучало часто-часто, а внутри все замерло в каком-то сладостном ожидании. На миг исчезло все вокруг: и прозрачная вода озера, и галька под ногами, и заросли.

Серые глаза Грехта стали расплавленным серебром. Кто его такого создал? Я облизнула пересохшие губы, стараясь унять необъяснимое стремление податься к нему, провести кончиками пальцев по сильному плечу, спуститься ниже, на холодный металл широкого браслета, и дальше...

Грехт неожиданно придвинулся и, склонившись, провел языком по шее, слизывая капельки влаги. Я вздрогнула. Он мягко огладил спину, широкие ладони замерли на поясице.

— Прости, — неожиданно выдохнул он, обжигая дыханием. — Я испугался. В следующий раз буду предупреждать.

Почему-то от такого обещания стало легче, хотя очень уж не хотелось, чтобы случился подобный этому «следующий» раз. Впрочем, действия Грехта особо раздумывать не дали.

Он осторожно сжал мою грудь, явно сдерживая желание стиснуть и смять. Укрощая дикую натуру, стараясь не причинить боли. Я рвано выдохнула, воздух стал раскаленным.

Ногти Грехта царапнули сосок, отчего мурашки пробежали с головы до ног.

— Ты... — хрипло начала я, но он лукаво на меня глянул, а потом кивнул на змей-амулет.

Да уж, хорошо сделано. А главное — никто не увидит. Но чтоб прямо здесь... Внутри бушевало такое дикое желание, которого ранее я никогда не испытывала. Хотелось отставить все в сторону и прижаться к великолепному мужчине, отдаться ему...

Где-то на краю сознания мелькнуло, что это крайне аморально и нехорошо, я его-то знаю всего второй день. Но учитывая, что здесь другие нравы и в одежде он меня не видел, и...

Грехт отступать не собирался. Мягко уложил меня на спину, спускался поцелуями к низу живота. Я запустила пальцы в золотисто-белые пряди и прикусила губу, чтобы не застонать. Он развел мои бедра в стороны, нежно огладил их внутреннюю часть.

— Чиу наделил меня прекрасной женщиной, — прошептал он, — желанной и страстной. Я и подумать не мог о таком подарке.

Да уж. Сначала — чтоб на вид звезда и в постели тигрица. А как утро наступит — жрать давай, красавица, и шкуры стирай! И шалаш прибери, и скотину выпаси, и что это ты такая распатланная? А ну быстро сделалась, как вчера была — в неглиже и побрякушках!

Правда, все мысли тут же испарились. Волна удовольствия и немножко стыда заставила прогнуться и чуть потянуть золотистые пряди.

Как сказать, что не здесь и не сейчас, когда руки такие ласковые, а губы такие умелые? Кажется, что солнце скатилось с небес и напоило собой его поцелуи и прикосновения. Я потеряла счет времени. Изгибалась на берегу, не думая, как выгляжу со стороны. Срывалась на хриплые стоны и умоляла не останавливаться. Или это только казалось?

Оргазм накрыл яркой вспышкой, заставив позабыть, как дышать. Я хватала воздух ртом и старалась не смотреть на Грехта, чуя, что как только наши глаза встретятся — зальюсь румянцем, словно юная дева.

Грехт взял меня пальцами за подбородок и повернул лицо к себе. Посмотрел, улыбнулся, заметив мое замешательство, и прижался к губам.

— Что это было? — все же спросила я, справившись с эмоциями, едва поцелуй оборвался.

Грехт хмыкнул:

— То, что надо, — лаконично выразился он. — Прости, что не сдержался, но в то же время ни капли не жалею об этом. Дочери Чиу — соблазнительнее простых женщин, убедился на собственном опыте.

Не жалеешь? О да, детка. А как я-то не жалею. Так, ладно, брысь пошлые мысли.

Волосы растрепались и русалочьими прядями теперь свисали, закрывая обзор. Я села и, сгребя гриву, быстро-быстро начала плести косу.

— Слушай, а есть у тебя ткань, прикрыть тело? — спросила, чтобы хоть на какое-то время выражение лица Грехта вновь стало прежним. А то сейчас он был похож на кота, облопавшегося хозяйской сметаны.

В ответ — тишина. Я посмотрела на Грехта. Он изумленно смотрел на меня в ответ.

— Что? — не выдержала я. — Я там видела отрез ткани в котомке. Или его нельзя?

— Тебе так плохо? — озадачил Грехт вопросом, что я даже на мгновение прекратила плести косу.

— То есть?

Он пожал плечами.

— Сейчас тепло. Зачем надевать лишнее?

Я потеряла дар речи, молча уставившись на Грехта. Вот как у них все просто, оказывается! Но чести ради стоит сказать, что на нем есть хоть какая одежда! Я же вообще бегаю в костюме Евы!

— Это не есть практично, — пробормотала я. — К тому же не привыкла.

— Ну надо же когда-то привыкать, — хмыкнул он и поднялся на ноги.

Я выдохнула сквозь стиснутые зубы. Вот варварюга упрямая!

Он протянул мне руку и улыбнулся:

— Не злись, Любовь. Ты очень красивая, на тебя приятно смотреть и... не только.

Хотелось огрызнуться, но последние слова заставили прикусить язык и опустить глаза. Если смотришь долго и прямо, то внутри вновь будто зажигается пламя. Вложив ладонь в его руку, я встала.

— На лошади так ездить неудобно, — все же привела последний довод.

По правде говоря, я в жизни конным спортом не занималась и лошадей видела только в парках. Погладить, полюбоваться, угостить морковкой или яблочком. Но не больше.

Грехт пожал плечами, мол, черт с тобой, девка, делай что хочешь, только не выноси мне мозг. Поэтому, не став дожидаться другого решения, я метнулась к котомке. Отрез льна оказался достаточно широким, чтобы сделать туземную мини-юбку. С бюстом ничего не вышло — ткани не хватило. Придется пока пощеголять топлес. Кроме меня, тут никто, кажется, не смутится, а значит, слишком жаться не стоит.

— Что дальше? — спросила я.

Грехт, задумавшись, смотрел куда-то поверх моей головы.

— Я успел подстрелить лань, но все бросил и рванул к тебе, когда почуял беду.

Я насторожилась:

— Как ты это понял?

Грехт указал на свой браслет.

— Он зачарован нашим шаманом. К тому же, когда идешь за женщиной, на пути назад всегда поджидают неприятности, — сказал он с легкой улыбкой.

Видимо, это был намек, и я сделала вид, что не расслышала. Но деталь про магическую штуку у него на плече все же отметила. Надо будет потом расспросить.

— И хоть по твоим описаниям я все еще теряюсь в догадках, кому мы могли понадобиться, но чтобы напрасно тебя не тревожить, думаю, лучше отправиться в путь, так?

Я закивала. Согласна, валим. Даже плевать на жаренное на костре мясо. Страшно мне, и все тут. Видимо, варвар тоже так думал, но акцентировать не хотелось. Пусть трусиха. Но лучше один более-менее знакомый мужик, чем восемь с непонятными намерениями.

Грехт достал сверток с травами.

— Здесь орехи и сушеные плоды дерева айю. Поможет утолить голод, пока мы будем добираться.

Подмывало спросить, почему мы давно не сделали ноги, а делали вещи... ну, короче, явно никак не относящиеся к побегу.

Однако Грехт уже закинул котомку на плечо, ухватил меня за руку и потянул за собой.

Чудовище. Совершенно непробиваемое варварское чудовище.

Ладно. Не будем о плохом.

Путь к змееловам оказался не так тяжел, как я себе навоображала. Сушеные плоды дерева айю были кисло-сладкими на вкус, а орехи отдаленно напоминали кедровые. Жить можно. Голод и впрямь основательно притупился, так что я могла спокойно смотреть по сторонам. Это занятие хоть как-то отвлекало от того, что подо мной находилось живое существо, явно не восторгающееся наездницей-дилетанткой.

Грехт честно старался не смеяться, однако мой насупленный вид его явно забавлял.

— Доберемся до деревни, надо будет тебя поучить немного.

Я буркнула что-то нецензурное. Конечно, ибо, судя по всему, задницу я себе отобью — спать потом только на животе. Но посвящать в такие детали Грехта не стала. Пока он ехал впереди, было еще ничего. Но когда спешился и повел лошадь под уздцы, стало куда хуже — от его откровенно похотливых взглядов.

Однако печальные мысли выветрились сразу же, как только мы подъехали к деревне. Показались деревянные и даже каменные дома. Высокий частокол из толстых бревен защищал жителей деревни от неожиданных гостей.

— Молот! Молот вернулся!

— Ура, Грехт! Я в тебя верил!

— Смотрите, змеедеву везет!

Несколько человек, заметив нас, кинулись навстречу. Пятеро рослых мужчин, мальчонка лет четырнадцати и хрупкая красивая девушка. Все светловолосые и светлоглазые. Мужчины одеты как Грехт, девушка же, кроме огромного количества деревянных бус, почти не скрывавших юную налитую грудь, и короткой юбочки изо льна, ничего не носила.

Все улыбались. Наше появление явно было каким-то хорошим событием. На меня смотрели дружелюбно и с интересом. Грехт помог спуститься с коня.

Соплеменники уже окружили нас. Их становилось, кажется, с каждой минутой больше. Мужчины, женщины, дети. И ни у кого на лице даже ни намек на недовольство. Из этого я сделала вывод, что приемные дочери Чиу тут желанные гости.

— Какая красавица! — услышала я вздох за спиной.

— Ну да, — тут же ответили хриловатым шепотом. — Это же Чиу послал ее! Конечно!

— Угу, нам никогда такими не быть.

Не выдержав, я обернулась. Позади шушукались две девчонки, еще не достигшие шестнадцатилетия. Заметив мой взгляд, обе тут же залились румянцем.

— Ничего, все еще впереди. Так что не загадывайте.

Обе уставились на меня широко раскрытыми глазами. На миг повисла тишина, а потом послышался дружный хохот Грехта и подошедших первыми мужчин. Но потом смех подхватило уже все племя.

Я и сама невольно улыбнулась. Смех — всегда хорошо. А такой заразительный — тем более!

— Ну-ну, расшумелись тут! — неожиданно послышался властный женский голос.

Змееловы расступились, пропуская высокую седовласую женщину в длинном сером балахоне. И хоть ее лицо было покрыто морщинами, а светло-голубые глаза поблекли от старости, смотрела она живо и с интересом. Да и не сгибалась каргой под тяжестью лет.

— Здравствуй, Грехт Молот. Молодец, не подвел, — похвалила она и тут же обратилась

ко мне: — Как зовут тебя, дочь змея?

— Лада, — ответила я, поколебавшись всего секунду.

Грехт бросил на меня неодобрительный взгляд, однако я даже и не подумала отреагировать. Если ему так хочется — пусть зовет Любовью, ради бога. Но имя все равно другое.

Женщина подошла ко мне и взяла за руки. Ладони ее были сухими и теплыми. Я обратила внимание, что на шее у нее висит ожерелье из темно-зеленых камней, точно таких, как змей-амулет Грехта.

— Я — Хейдра, целительница. До посвящения ты будешь жить у меня.

Грехт сделал шаг вперед.

— Но это же неправильно! — Он явно был оскорблен таким заявлением. — Она предназначена мне шаманом, к тому же сам Асдейх направил стрелу с черно-красным оперением, чтобы помочь мне побороть чиучалэ! Я добыл девушку честно!

Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться. Надо же, какой порыв! Только вот мне и впрямь будет поспокойнее рядом с женщиной. Хоть расскажет, что к чему, да премудростям некоторым обучит, которые у мужика вовек не спросишь!

Хейдра выставила руку ладонью вверх. Грехт резко умолк.

— Никто не обвиняет тебя в трусости, Молот. Как и никому бы не взбрело в голову, что ты мог пойти на нечестный бой. Но ты молод, а змеедева — слишком хороша. Не спорь! — повысила она голос, когда Грехт вновь попытался возразить. — Я все вижу по твоим глазам.

Он поперхнулся, а вокруг посыпались скупые смешки.

— Хейдра права, Грехт, — мягко сказала я, коснувшись пальцами его плеча. — Мне нужно многое узнать.

Уступать женщинам ему явно не нравилось. Но, видимо, целительницу в племени очень чтили — никто не попытался возразить, а это говорило о многом. Грехт взял меня за руку и что-то проворчал — кажется, о старой козе, но не могу ручаться, что расслышала верно.

— Хорошо, пусть будет так, — наконец-то согласился он, сжимая мою руку, словно боялся потерять.

Я улыбнулась и легонько пожала в ответ, давая понять: никуда мне не деться, и переживать нечего.

Хейдра, довольная победой, улыбнулась:

— Ну а пока — добро пожаловать в чиу-ишаламэ — дом змееловов!

Глава 4

Чиу-ишаламэ и предсказание шамана

Никогда не думала, что смогу жить по устоям и обычаям чужих людей и другого времени. Однако прошла почти неделя, но я, москвичка и городская девочка, не чувствовала себя чуждым кусочком в этой шумной и веселой семье змееловов.

Дом Хейдры оказался большим и просторным. Там она жила с внучками (ими оказались как раз те девчонки, которые вздыхали о красоте в нашу первую встречу). Ниит и Ликия — добродушные, смешные и жизнерадостные, так что мы очень быстро нашли общий язык.

В доме целительницы пахло травами, сушеными плодами и настоями. Девочки помогали бабушке, то и дело готовя какие-то порошки и смешивая снадобья, а еще бегали на склоны гор, чтобы нарвать нужных трав. Часто утягивали меня с собой, чтобы показать округу. Именно от них я узнала, что чиучалэ — это хранители племени. Они могут быть добрыми и злыми. Чиу посылает первых на помощь племени, а вот вторые бесцеречно наказывают тех, кто провинился. Закон Чиу — змеиный закон, нарушать его не стоит. Кстати, в чем именно он заключается, я пока так и не поняла. И вопрос, почему же я оказалась в пещере, задала Хейдре.

— Чиу — бог, девочка, — вздохнув, сказала она, аккуратно сплетая кожаные шнурки для очередного амулета. — Мысли его нам неведомы. Только в преданиях говорится, что воин, на которого укажет шаман, достойнейший и сильнейший, может претендовать на змеедеву. Однако потребуются все его храбрость и ловкость, чтобы справиться с чудовищем.

— И как? — осторожно уточнила я, уставившись на шнурки. — Все справлялись? Или случалось, что кто-то погибал?

О судьбе девушек язык спросить не повернулся. Если чиучалэ мог поужинать воином, то девушка могла пойти на десерт. С другой стороны, если мыслить логически, Чиу жутко невыгодно таскать баб из других миров, чтобы покормить своих змеенышей.

— Пока такого не было, — сказала Хейдра и посмотрела на рассыпанные на столе камешки, по виду напоминавшие яшму.

— И на том спасибо, — пробормотала я. — А много при вашей жизни в племя приходило змеедев?

Хейдра выбрала самый большой, размером с ноготь большого пальца, и придирчиво осмотрела.

— Нет, Лада. Твоя предшественница умерла в глубокой старости, когда я только родилась. Слушай, — неожиданно резко сменила она тему, — ты весьма неплохо управляешься с рукоделием. — Хейдра кивнула на сделанные вчера мной амулеты для змееловов-охотников. — Делаешь лучше, чем мои внучки.

— Ну... — внезапно я почувствовала, что заливаюсь румянцем от похвалы. — Просто это... дар Чиу!

Рассказывать о хобби и магазине было бессмысленно. Хейдру же такое объяснение про дар удовлетворило. Кивнув, она вновь принялась за работу. Некоторое время мы сидели в тишине. Наконец, когда все камни были вплетены в сложное ожерелье, она довольно улыbnулась.

— Это надо будет отнести Эрму, нашему шаману. Давно обещала ему заговоренный на

удачу амулет.

— Шаману? — переспросила я, вставая с грубо сделанного деревянного табурета.

Помнится, Грехт говорил, что змей-амулет зачаровывал именно шаман. Возможно, этот дядька сможет пролить куда больше света на мое положение, нежели остальные. Чиу, паразит, больше во снах не приходил. Поначалу я злилась, но потом поняла, что это бессмысленно.

Хейдра кивнула:

— Именно. До посвящения тебя в змееловы нужно обязательно поговорить с ним. Ведь именно он предсказал, что Молоту предназначается женщина самим Чиу.

Ага, значит, точно будет долгий-предо-о-олгий разговор.

Я подошла к очагу и, приоткрыв крышку подвешенного на цепях котелка, вдохнула божественный аромат похлебки. Здесь готовили просто, но было чертовски вкусно. То ли сказывались нервные недели до этого, когда я толком не ела и постоянно переживала из-за смены руководства на работе, то ли было что еще.

С едой мы разобрались быстро. Хейдра и девочки подсказывали, что и из каких продуктов лучше приготовить. Теперь, даже если я случайно окажусь одна в доме и понадобится кого-то накормить, — дело будет улажено.

— Еще не готово? — поинтересовалась Хейдра, не отрывая взгляда от шаманского амулета.

— Нет, — вздохнула я, — что-то у меня аппетит не вовремя разыгрался.

Она тихо рассмеялась:

— Ничего, это не страшно. Наши охотники — лучшие на этой земле, поэтому недостатка пищи никогда не будет. А Грехт-кузнец никогда не останется без дела, поэтому уж тебя-то, тростиночку, прокормит.

Ну, скажем, не такая уж и тростиночка, с нормальной фигурой, но до пышки никогда не дотягивала.

Я поправила простое грубоватое платье и потуже затянула пояс. Пока есть талия — надо этому делу радоваться. Ну и стараться следить, чтобы оплыла она как можно позже.

От Хейдры не ускользнули мои жесты. Она только усмехнулась:

— Уж видела-то работы своего ненаглядного?

Почему-то в племени все были свято уверены, что я влюблена в Грехта по уши. Впрочем, как и он в меня. Нет, ничего против него я не имела, однако все же не привыкла к такому бурному развитию событий, когда ты даже мяукнуть не успела, а тебя на плечо — и в шалаш. Все же я девушка из другого века, времени нужно больше.

— Видела, — тем не менее спокойно ответила я. — Очень красиво.

— Его отец и дед тоже были кузнецами, — улыбнулась она так светло и мягко, словно с этими людьми ее связывали очень теплые воспоминания. — Вот учился еще мальцом.

— Угу, — деликатно согласилась я и поглядела в окно.

Где-то там бродят Ниит и Ликия, хорошо бы встретить девчонок, а заодно не мешать Хейдре заговаривать амулет. Целительница все поняла по направлению моего взгляда, только, кажется, растолковала по-своему.

— Выйди уже, поворкуйте с ним. Он тоже сам на себя не похож, как привез тебя сюда.

Я открыла было рот — возразить, что не собираюсь идти к Грехту, однако только молча кивнула и вышла из дому. Пусть думает как хочет, в конце концов, некоторые мысли нужно держать при себе.

Оказавшись на улице, я с удовольствием вдохнула пропитанный ароматом можжевельника воздух и невольно улыбнулась. Проходивший мимо змеелов помахал мне рукой. Я улыбнулась в ответ и подняла руку в знак приветствия. К Хейдре относились с большим уважением, да и меня приняли хорошо.

Решив, что посетить Грехта — не такая уж плохая идея, я направилась к кузнице. Она находилась на окраине деревни змееловов, как и дом шамана. Но если в последний я без Хейдры не пойду, то в кузницу вполне можно заглянуть. Любоваться золотоволосым варваром за работой — настоящее женское удовольствие. Он работал в штанах, сапогах и кожаном фартуке. Могучие мышцы перекачивались под кожей, светлые волосы перехвачены лентой на лбу. Висевший на шее амулет из змеевика ловил отблески огня. В серых глазах стояли решимость и сосредоточенность. Он напоминал великого Гефеста из мифов древних греков, однако не был хромым, да и уж скорее походил на Аполлона внешностью и осанкой.

Неподалеку от кузницы было маленькое озеро. Прозрачное и чистое, почти с такой же водой, как то, в котором я плавала, удрав от Тургуна и его компании. Кстати, все никак не задам вопрос Грехту: что это были за люди и зачем мы им могли понадобиться?

Едва дойдя до кузницы, я услышала тихое хихиканье. Девичье. Нахмурившись, тихо подошла к зарослям и приподнялась на цыпочки. Ага, вот тебе раз! Ниит и Ликия уселись на поваленное бревно, жуют ягоды с орехами и, кажется, совершенно не спешат домой.

Сестры говорили очень тихо — не разобрать ни слова. Однако я видела довольные мордашки и то и дело слышала хихиканье.

— Что-о-о вы тут делаете? — сделав грозный вид, шагнула я вперед.

Девчонки взвизгнули от неожиданности, но, поняв, кто перед ними стоит, только облегченно выдохнули.

— Лада, — протянула Ниит, — зачем так пугать?

— А затем, — ни капли не смутилась я, подходя ближе. — Совсем не хотите домой, решили нас с бабушкой голодом заморить?

— Да как же это? — Ликия захлопала ресницами. — Неужто травами ужинать будем?

Я фыркнула и уселась между девчонками, потом деловито запустила руки в их корзинки, изымая ягоды и орехи.

— Ну, может, не всех, но бедную змеедеву точно, — доверительно сообщила я.

В ответ — веселый смех.

— Ты как нас нашла? — спросила Ниит. — Змеиным чутьем?

Я отмахнулась, сосредоточенно пережевывая орехи. Чуток кисловатые, но интересные. Надо набрать будет к ужину, потом какой пирог можно будет сообразить — хорошо пойдет. Только спросить у Хейдры, как тут относятся к такому роду кулинарии.

— Не искала я вас, просто шла к кузнице.

Девчонки заговорщицки переглянулись и залились румянцем.

— К Грехту, да? — тихонько спросила Ликия.

— Ага, — кивнула я, не видя причин скрывать этого.

— Он такой красивый, — вздохнула Ниит. — В детстве я была влюблена в него, думала, как вырасту, стану женой.

Ликия хмыкнула, видимо, слышала это не один раз.

— Да? — Я с любопытством посмотрела на «влюбленную». — Вроде ты и сейчас не старушка, или прошла любовь — завяли помидоры?

— Какое странное выражение, — пробормотала Ниит. — Что такое помидоры?

М-да. Как все запущено. Впрочем, вполне может быть, что они тут не растут или обзываются как-то по-другому совсем.

— Да так, — обтекаемо ответила я, — овощ один. Хороший, круглый и красный. Его можно есть просто так или делать сок.

Девочки синхронно вздохнули. Я насторожилась:

— Вы чего это?

— Да... — медленно начала Ликия, а потом вдруг затараторила: — Мы с Ниит часто грустим, что, кроме дома, ничего не видели.

— Угу, — буркнула ее сестра, — все дома и дома, нельзя даже в соседнее селение идти, потому что нарушился мир с акуила, второй год уже на ножах.

— А акуила — это кто? — осторожно уточнила я.

— Племя соседнее, поклоняются орлу Акуи, хозяину небесных просторов, — тихо произнесла Ликия. — Акуила заключили союз с Шарияром, большим городом к югу отсюда. Только шариярцы вечно смотрят на наши земли. Как и мы, поклоняются змеям, однако это змеи-демоны.

— В мрачных храмах они приносят людей в жертву, — вздрогнула Ниит. — И не только. Змееловы даже не произносят имени их божеств, чтобы не навлечь беду.

— М-да уж, — вздохнула я, — все ясно. А зачем же акуила заключили с ними союз? Тоже хотят ваши земли?

Сестры некоторое время молчали.

— Вожди сильно повздорили на одном из пиров, — наконец-то произнесла Ликия. — Из-за женщин. У акуила их мало, меньше, чем у нас. Толком мы не знаем, бабушка не очень хочет говорить об этом, но в итоге пир закончился битвой.

Я присвистнула. Да уж, хорошее дельце, ничего не скажешь.

— Много было жертв? — осторожно спросила я.

— Много, — неожиданно послышался голос Грехта, и мы втроем вздрогнули.

Он стоял в нескольких шагах и смотрел на меня. Руки сложены на груди, на губах — легкая усмешка. Интересно, сколько он тут уже стоит и все слышит?

— Ну, мы... — тихонько прыснула в кулачок Ниит, — эта, пойдём.

Ликия вслед за ней сползла с бревна и как бы невзначай сказала мне:

— Лада, мы пойдём ме-е-е-едленно, а ты догоняй.

Я ничего не ответила, молча дожидаясь, пока девочки скроются с глаз. Потом посмотрела на Грехта. Он даже не шевельнулся.

— Подслушивать — нехорошо, — сказала я ровным голосом. — Особенно девочек.

Грехт ни капли не смутился и только покачал головой.

— Знаешь, вас было слышно в кузнице, несмотря на удары молота. Поэтому я не мог не выйти.

— Угу, конечно, — фыркнула я и тут же спросила, не давая открыть ему рта: — Слушай, а акуила могут напасть на деревню?

Он подошел и сел рядом, вздохнул.

— Хотелось бы думать, что нет. У акуила есть понятие о чести. И уж скорее предупредят, прислав окровавленную голову...

Он резко замолчал, и мне почему-то совсем не захотелось узнавать, чью именно, поэтому поспешила перевести разговор в другое русло.

— Слушай, меня все волнует: кем могли быть те всадники, которые хотели отыскать нас

возле пещер?

Грехт хмуро посмотрел на свои сандалии, потом перевел взгляд на мои ноги. Второе ему нравилось однозначно больше.

— Не знаю, Любовь, — глухо произнес он. — Змей-амулет хорошо нас прятал, однако было рискованно оставаться и выжидать.

Я хмыкнула и встала с бревна.

— А для другого время было?

Грехт удивленно на меня посмотрел.

— Ну да. Разве ты не знала, что змеедева неуязвима, когда получает плотские удовольствия?

У меня отпала челюсть. Нет, я подозревала, что в этом мире все законы набекрень, но чтоб так? Или это Чиу так защищает своих девочек, чтобы охочие до юной женской плоти, часом, не навредили?

Грехт рассмеялся и подошел ко мне.

— Кажется, и впрямь не знала. Однако не буду скрывать: я сделал это, потому что мне этого хотелось.

Он склонился, чтобы поцеловать меня, губы почти коснулись моих, однако я ловко вывернулась.

— Очень рада. Но пока еще я не посвящена, а ты еще не мой мужчина. Так что будь добр — ухаживай.

Грехт нахмурился:

— Любовь, что за глупости?

Он неожиданно схватил меня в объятия, и как я ни пыталась — вырваться не получалось. Грехт нехорошо прищурился, разве что зубами не скрипел.

— Тебе нравится другой? — вопрос прозвучал хрипло и властно. Казалось, если я не отвечу, то ничего хорошего не будет.

Первоначально я испугалась, но потом решила этого не показывать. Ну нет, не будет тебе тут твари дрожащей, радость моя.

— Нет, — совершенно искренне ответила я. — Но пока еще рано показывать себя таким собственником.

Я чувствовала, что Грехт злится, но не причинит мне зла. Но в то же время была готова дать деру в любую секунду. Кто знает, что у этих варваров на уме?

Грехт некоторое время молча сверлил меня взглядом, но потом только глубоко вздохнул и покачал головой.

— Любовь, ты очень странная женщина. Но ты мне нравишься и такой.

Напряжение, возникшее между нами, исчезло. Неожиданно мы оба захохотали. Он снова попытался поймать меня, однако я ускользнула в сторону.

— Еще рано! — весело сообщила ему. — Вот примут меня в племя, введешь в свой дом, вот тогда уже и убежать не стану.

Грехт шутливо протянул руки к небу.

— Великий Асдейх, помоги мне вразумить эту женщину.

Ага, конечно. Все бросит и поможет. Вот прямо сейчас, если захочет. Но на этом я только улыбнулась, помахала рукой и побежала догонять Ниит и Ликию. Все же мужчины — это хорошее дело, но не заниматься же им на голодный желудок!

Я вернулась, уже когда все семейство целительницы чинно восседало за столом и

наворачивало похлебку. Завидев меня, девочки тихонько захихикали. Я исподтишка погрозила им кулаком и пристроилась рядом. Изумительные аромат и вкус заставили на миг позабыть и о разговоре с Грехтом, и о планируемом походе к шаману. Но стоило только разделаться с ужином, как Хейдра задумчиво спросила:

— Ты готова, девочка?

Я посмотрела в ее глаза и с трудом сглотнула. Кажется, я слишком беспечно отнеслась к походу к шаману. А вот насколько беспечно...

* * *

К дому Эрму мы подошли, когда солнце опустилось к закату. Хейдра вручила мне амулет и кувшинчик с вином.

— Будь с ним почтительна, — шепнула она. — Ничему не удивляйся. Шаман — хоть и человек, но живет не по нашим законам. Пойдешь одна — меня он сейчас не примет.

Хейдра хлопала меня по плечу и отступила, оставив перед посеревшей трухлявой дверью. Дом Эрму отличался от остальных, он больше походил на какое-то причудливое растение, странное дерево, но никак не строение.

Я постучала.

— Заходи! — послышался голос, но нельзя было определить: женский или мужской, старческий или молодой.

Толкнув жалобно скрипнувшую дверь, я шагнула вовнутрь. И тут же закашлялась от густого сладковатого запаха благовоний. Вокруг клубился сизый дым, даже не разобрать, что в нескольких сантиметрах впереди.

— Обувь сними, — насмешливо сказали откуда-то справа, и я поняла, что голос принадлежит мужчине. Но возраст не определила.

Из клубов дыма вдруг, медленно извиваясь, появились две змеи. Я вскрикнула.

— Тш-ш-ш, — раздавалось почти у самого уха. — Здесь все свои, не бойся.

Сверкнула темно-зеленая чешуя, и вдруг головы змей разделились на пять частей. Спустя миг до меня дошло, что эти головы — всего лишь руки, а пять частей — пальцы. Но руки... Вытянутые ладони, по-мужски сильные, но в то же время не грубые; кончики пальцев заостренные, ногти — что камешки — черные-черные, как безлунная ночь. Кисти необычайно гибкие, не грех спутать с живым существом. Кожа не кажется дряблой и старческой, а темно-зеленые чешуйки — это всего лишь искусный рисунок. Но в то же время смотреть на них было жутковато.

Амулет и кувшинчик у меня мягко отобрали. Решив, что стоит последовать совету Хейдры о послушании, я уважительно поклонилась и быстро сбросила сандалии, оставив их возле порога. Сделала шаг вперед и невольно охнула. Пол дома оказался засыпан травой и, если не ошибаюсь, измельченной корой дерева. В босые ступни тут же впились маленькие иголочки — не причиняя боли, а скорее щекоча.

— Долго решалась прийти сюда, змеедева? — шепнул дым, раскатился клубами по стенам, обволакивая их, коснулся меня, заставляя вздрогнуть.

Голова закружилась, внутри все сжалось от какого-то странного предвкушения. Я хотела увидеть шамана, отделить дым благовоний от живого существа. Пусть и не живет по человеческим законам, но лицо-то у него есть!

— Ну... не очень, — призналась я. — Но не каждый день идешь... к шаману.

Его смех вызвал улыбку. Красивый голос, и смеется так, что заслушаешься. Захотелось прикрыть глаза и представить Эрму среди людей двадцать первого века. Почему-то показалось, что это правильно и так должно быть. Однако расслабляться не стоило.

— Садись, — сказал он.

Я, загипнотизированная движениями рук-змей, медленно опустилась на пол. За спиной что-то громко хлопнуло. Ойкнув, резко обернулась. Тихий смех прозвучал вновь.

— Ты не закрыла дверь, Лада, — мягко произнес шаман. — Напустишь холода, как мне потом согреться?

Сказано это было таким тоном, что я почувствовала, как стало жарко, а щеки залило румянцем. Но не сумела удержаться от реплики:

— Неужто никто не позаботится о шамане всего племени, который в столь почтенном возрасте?

Дым резко рассеялся, на меня смотрели внимательные темные глаза. Затаив дыхание, я уставилась на изумительно правильный овал лица. Высокий лоб, чуть крючковатый нос, красивые губы. Волосы, черные, с серебристыми прядями седины, мягкими волнами спускались на плечи и спину. Узкая лента из змеиной кожи придерживала непокорные пряди. В глазах бушевало пламя — страшное, завораживающее. Словно кто-то взял ночь и бросил ее в костер, а она разлила свою тьму, окрасив пламя чернотой.

«Не стар, — осознала я, — может, ему за сорок — не больше. Только тоненькие лучики морщин в уголках глаз».

Дым на миг рассеялся, открывая сухощавое жилистое тело, сплошь укрытое змеящимися татуировками. Совсем не такое, как у Грехта, но все равно ясно, что обладает невероятной силой. Нечеловеческой. Чужой. И кажется, что еще раз приоткроет губы — и выскользнет раздвоенный змеиный язык.

Я мотнула головой, прогоняя наваждение. Дым снова окутал шамана, но глаза пронзительно смотрели на меня.

— У тебя есть вопросы. Задавай же.

В голосе — приказ. И пусть сказано почти шепотом, по коже пробежали мурашки.

— Что меня ожидает? — спросила непослушными губами.

В голове вспыхнула паника: боже, я ж не это хотела спросить! Совсем-совсем не это!

— Много-о-о-о чего, — растягивая слова, произнес Эрму. — Расслабься, я тебя не съем.

Моих волос неожиданно что-то коснулось. Я замерла, забыв, как дышать. И хоть Эрму по-прежнему смотрел на меня, чувствовала, что руки-змеи стягивают ленту с косы, расплетают тяжелые пряди, скользят по ним, лаская.

Но как? Понимала, что не может этого быть, слишком далеко он сидит. Только прикосновения не исчезали, а взгляд все удерживал, обжигая раскаленной тьмой.

— Ты красивая, — шепот прошелестел над самым ухом, сухие губы коснулись мочки. — Много мужчин будет тебя желать.

Внизу живота стало горячо, ладони взмокли. Я сжала ладони в кулаки, стараясь удержать соскальзывающее куда-то в бездонную пропасть сознание.

Руки-змеи гладили волосы — от макушки до самых кончиков; заостренные пальцы сжимали пряди и тут же выпускали, накручивали спиралями. Muskusно-сладкий дым окутывал с ног до головы. Слышался мерный ритм, словно кто-то играл на маленьких барабанчиках. Играл искусно, попадая в такт с ударами моего сердца. Я прикрыла глаза,

шумно вздохнула.

— Кого ты хочешь, змеедева? — шепнул Эрму, обжигая дыханием шею и плечо. — Созданного из солнечного света сына Асдейха или безумца, рожденного югом, гордого и несгибаемого, дикого, словно зверь?

Что-то зашуршало внизу, коснулось моих ног. Страх обездвижил, почему-то казалось, что так может скользить по рассыпанным травам только хвост. Длинный, мощный, покрытый чешуей. Такой, что может выдержать вес мужчины, превратив в сказочного нага.

— А может, хозяина ночи, чьи руки по локоть в крови, но сокровищницы полны золота и бриллиантов? Или властелина Ашша-дер-Шарсы, появляющегося только после того, как пролита кровь женщины? Кого ты хочешь, Лада? Кого?!

Глава 5

Нападение на деревню

Голос шамана все шипел-шуршал, клубы дыма танцевали какой-то чуждой, невероятный танец. Перед глазами плыло, воздуха не хватало. Дышать стало тяжело, так и хотелось рвануть завязки на груди. Но оставшаяся на краю сознания мысль о приличиях давала понять, что этого делать нельзя.

В ушах зашумело, удары барабанчиков стали громче и яростнее, голос шамана утонул в них. Сердце бешено колотилось в груди.

— Открой глаза и смотри, — шепнул Эрму на ухо, — смотри.

Не смея повернуться, я открыла глаза.

Дым начал рассеиваться, открывая взору невероятную картину. Из огромного отполированного медного щита на меня смотрела изящная белокожая девушка. Черные густые волосы едва придерживались золотой диадемой с кроваво-красными камнями. От обруча диадемы спускались тонкие золотые цепочки, поблескивая в каскаде волос. Карие глаза смотрели серьезно и сосредоточенно, пухлые губы упрямо сжались. Веки были подведены сурьмой, что придавало сходство с египетской красавицей. На шее девушки — широкое ожерелье из золотой проволоки и дивных крупных рубинов. Оно приковывало внимание, но совершенно не прикрывало ее обнаженную грудь с гранатовыми сосками. На бедрах — пояс, усыпанный драгоценностями, вместо юбки — множество длинных нитей, на которые нанизаны коралловые бусины. Одно движение — и бусины сдвинулись в сторону, открывая крутые бедра и стройные ноги. На запястьях и лодыжках надеты браслеты из желтого металла с маленькими колокольчиками, издававшими нежный звон.

Смотреть на нее — странно. Потому что она — я. Но когда и где я буду в таком наряде?

Я глубоко вдохнула наполненный благовониями воздух и осмотрелась. Круглая комната. Полумрак, несколько масляных ламп едва освещали огромное низкое ложе, застеленное шкурой леопарда. Стены увешаны оружием и диковинными масками. Комната воина и шамана, незнакомое место, в котором я почему-то оказалась. И что тут делаю? Почему так хочется бежать?

Дверь в помещение распахнулась, донесся резкий звук флейты и барабанов, залиvistый хохот женщин и низкий говор мужчин. Судя по всему, рядом веселье. Но все мое внимание было приковано к появившемуся на пороге человеку.

Рослый, широкоплечий, со взглядом дикого зверя. Однажды он уже смотрел на меня так. Только тогда я была под защитой змей-амулета. Тургун. Красивые губы изогнулись в улыбке, от которой стало немного не по себе.

— Ну что, змеиня дочь, думаешь все еще сбежать?

Вопрос прозвучал почти ласково, только в темных глазах не было и намека на мягкость. Каким-то шестым чувством я ощутила, что мы с Тургуном еще недавно горячо спорили и так и не пришли ни к какому решению.

— Может, и думаю, — довольно грубо ответила я. И поняла, что не властна над своими словами. Говорила та я, которая находилась в шаманском видении Эрму. — Тебе-то что?

Он медленно подошел ко мне. Внутри все сжалось от страха, я невольно сделала шаг назад, мысленно ругая себя, что заняла столь невыгодное положение. Дальше — только

стена, если зажмет — удрать не получится.

Тургун оглядел меня с головы до ног. Оценивающе, казалось, физически можно ощутить его взгляд. Как охотник добычу. Я почувствовала, что невольно заливаюсь румянцем. И тут же прикусила губу до боли, чтобы отвлечься от непрошенных мыслей.

Он наклонился, тяжелые руки легли на плечи, придавливая, не давая шевельнуться. Горячее дыхание опалило скулу.

— Ты проведешь нас в Ашша-дер-Шарсу, красавица, — шепнул он. — Хочешь ты этого или нет.

Его рука скользнула по моему боку, накрыла грудь. Я дернулась, но Тургун только хмыкнул. В черных глазах горело желание обладать, и мое сопротивление только заставляло полыхать это пламя жарче. Огрубевшие пальцы отодвинули золотые подвески ожерелья, подныривая под нагревшийся металл и скользя по обнаженной коже.

Я стиснула зубы. Ничего, позабавится и уйдет. Такие, как я, — не в его вкусе. Уж сколько раз все это было.

— А может, — задумчиво протянул он и посмотрел на меня, — твои хвостатые друзья тебе просто нравятся больше людей? Как они ублажают нечеловеческими руками, а змеиные хвосты...

Я вспыхнула и с силой ударила его по запястью, отпрянув назад. Тут же прижалась спиной к шершавой стене. Тургун резко схватил меня за руки, притянул и впился в губы неистовым поцелуем. Дыхание остановилось, показалось, что я прыгнула в огромный костер племени бакумба, который они разводят каждый раз перед дикими плясками, что предшествуют дню полнолуния.

Не хотелось сопротивляться, хотелось, наоборот, — прижаться к широкой груди, откинуть голову назад, чтобы убрал черный водопад волос, обжег поцелуями...

Я стиснула зубы и дернулась. Ну нет, не выйдет. Не буду тебе покорной рабыней!

Тургун рыкнул и, подхватив меня, бросил на ложе. Я вскрикнула, но не успела и выдохнуть, как меня вдавили в шкуру и нависли сверху.

От него пахло вином, кожей и сталью. Волосы щекотали мою шею, черные глаза жгли, вынимая душу. На мгновение все отошло на задний план. Сильный мужчина жаждал моего тела, и не стоило лгать себе, что моя жажда меньше. Сколько раз я смотрела на него, отмечая гордую осанку, разворот плеч, хищный профиль. Он смеялся, когда говорил с товарищами, но стоило только перевести на меня взгляд, как смех смолкал. И хотелось укрыться, сбежать подальше... и в тоже время молить, чтобы смотрел всегда.

— Что, змеедева, — шепнул он на ухо низко и хрипло, — не нравится? Хочешь поиграть?

Я попыталась пнуть его ногой, однако услышала только хмыканье.

— Слабо. Очень слабо, моя дорогая.

Сильные пальцы вплелись мне в волосы и сжали пряди. Я охнула, в ужасе понимая, что не могу повернуть голову. Губы Тургуна сжали мочку уха, проложили дорожку поцелуев по скуле, язык обвел контур моих губ.

— Ты хочешь меня. Хочешь, я вижу это по твоим глазам.

Внутри кипела ярость. Хотелось кинуться и расцарапать ему лицо, но тогда скрутит так, что мало не покажется. Огреть чем-то по голове? Да, можно, только даже если и удастся, то бежать некуда — в замке его люди.

— А еще по моим глазам стоит увидеть, что женщин силой не берут, — хрипло сказала

я, чувствуя, как его ладонь оглаживает бедро, стискивает ягодицу.

Он снова поцеловал меня. Не столь грубо, как в первый раз, однако не менее настойчиво. Перед глазами все плыло. От желанья, от запаха, от прикосновений. Только не уходи.

— Разве настолько силой, змеедева? — шепнул он почти в губы. — Твое тело хочет продолжения.

Он все еще держал мои волосы, но вдруг чуть ослабил хватку. Я тут же дернулась, но пальцы Тургуна сомкнулись с новой силой.

— Куда это ты? — почти промурлыкал он огромным зверем. — Я тебя не отпускал.

Вторая рука дразняще замерла на лобке.

— Пусти, — сквозь стиснутые зубы выдохнула я, прикрывая глаза и прекрасно понимая: если он продолжит, то не факт, что смогу долго сопротивляться.

— Лада, посмотри на меня, — приказал он. Рука скользнула ниже, по телу пробежала дрожь.

Кусая губы, я упрямо помотала головой. Ну нет. Не получишь ничего, дикарь!

Тургун почти нежно огладил мою щеку.

— Ну, раз так, — задумчиво протянул он и вдруг резко перевернул меня на живот.

Я вскрикнула и попыталась вцепиться в него, однако мои руки поймали и тут же завели за спину. Колокольчики нежно звякнули.

— С ума сошел? Тургун! Отпусти!

Я сдула упавшую на лицо прядь, брыкнулась, но услышала лишь довольный смех.

— Теперь знаю, что надо делать, чтобы ты вспомнила, как меня зовут.

С ужасом я поняла, что он стягивает мне руки за спиной своим ремнем.

— Пробовала делать это с завязанными руками? — шепнул он, прижавшись грудью к моей спине.

Тургун дернул мою юбку, треск — коралловые бусины застучали по каменному полу. Я начала извиваться, однако меня тут же звонко шлепнули по ягодице. Я вскрикнула. Не так от боли, как от неожиданности.

Одновременно хотелось взвыть от такого положения и в то же время просить, чтобы не смел уходить. Несмотря на мысли о сопротивлении, все тело горело. Достаточно было только одного присутствия Тургуна, чтобы загореться желанием.

— Ты — сволочь, — простонала я, чувствуя, как его пальцы выглаживают мой живот и спускаются ниже.

— Я знаю, — глухо произнес он, целуя плечи и спину, — знаю.

С каждой лаской контроль таял льдом на солнце. Я уже не стискивала зубы, стоны сами срывались с пересохших губ. Сама подавалась к нему, чтобы прижаться теснее, ощутить жар мужского тела. Хриплое дыхание и еле слышные стоны казались музыкой. И когда уже была готова просить, он вошел в меня, взял уверенно, по-хозяйски. Я вскрикнула и прогнулась в поясице. Тургун что-то произнес. На своем языке, совсем не похожем на говор змееловов. Но даже так я смогла понять значение — «моя».

Перезвон колокольчиков наполнял полутемную комнату. Запахи дурманили, голова шла кругом. Было слишком хорошо, чтобы думать о чем-то еще. Ослепительный оргазм накрыл с головой, я едва осознавала, что стальные пальцы Тургуна впились в бедра почти до синяков, а зубы прикусили плечо. Зверь. Варвар. Чудовище.

Внутри стало горячо. Надо было встать и дойти до купальни, однако меня не собирались

отпускать. Он развязал мне руки и, взмокшую и обессиленную, крепко прижал к себе. Тишина накрыла комнату. Лампы погасли, зато в окно заглядывала полная луна.

Я уткнулась носом в его шею и прикрыла глаза. Широкие ладони гладили меня по спине.

— Змея... — еле слышно прошипел он.

— Гад, — блаженно улынулась я.

— Змея-я-я...

Тургун поцеловал меня. Черные глаза вдруг стали совершенно серьезными.

— Знаешь, Лада, я тебе хотел сказать...

Раздался страшный крик. Глаза вдруг застлал туман, висок пронзило болью. Я ойкнула и пошатнулась. Открыла глаза и поняла, что вновь нахожусь в доме шамана. Руки и ноги мерзко дрожали, платье прилипло к телу. С улицы снова долетел крик. Женский, отчаянно испуганный.

— Что это? — прошептала я.

Дым неожиданно рассеялся. Шаман стоял возле окна, укутанный в темный балахон.

— Беда, Лада, — глухо произнес он и быстро направился к двери.

Я попыталась встать, но тело слушалось плохо.

— Побудь тут, — коротко бросил Эрму. — Там опасно.

Его тон был настолько серьезен, что я похолодела от страха.

Эрму покинул дом. Я обхватила себя руками за плечи. Мигом пробил озноб. Мозг отказывался соображать, могла только тупо смотреть в одну точку. Сама не поняла, что раскачиваюсь из стороны в сторону, словно маятник. Что это было за видение? Неужто так и будет? Ощущения и впрямь, будто занималась любовью с этим... этим... Приличных слов подобрать не получалось.

Я прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Так, только без паники. Может, шаман загипнотизировал просто? Я же человек из двадцать первого века, уж пора не забывать и о таких вариантах — манипулировать сознанием умеют везде.

И все же внутри что-то подсказывало — никакого гипноза не было. Я отогнала это не вовремя возникшее чувство и осмотрелась. Дым словно и не стелился плотными сизыми клубами. Очень скромное жилище. Две лавки, стол, очаг, табурет. В углу — алтарь. Однако не покидало ощущение, что я вижу далеко не все. Решив, что интерьер обители шамана меня должен волновать меньше всего, поднялась и, опираясь рукой на стену, подошла к окну.

По улице бежали люди. Кричали. Им что-то отвечали. У всех в руках мечи и луки. Перекошенные лица — ни тени страха, только ярость. Змееловы не собирались поддаваться врагу. Откуда-то сверху донесся странный звук. Я присела, стараясь рассмотреть небо, но ничего не увидела — слишком маленькое окошко. Звук напоминал резкий крик птицы. Только птицы очень большой.

Я обошла комнату кругом. Нет, соваться наружу — опасно. Но и сидеть тут тоже не выход. Донесся крик боли, я вздрогнула. Подошла к двери и положила руку на сухое дерево. Страшно? Очень. Толком за всю жизнь никогда не видела ран. Умерли бабушка и дедушка, но это было давно, и никакой жестокости — просто от старости. Я в упор не представляла, как обороняться и что делать, если кто-то кинется на меня. Хотя чего уж там... Орать и драпать. Завалить могучего мужика можно разве что из огнестрельного оружия, которого тут никак не наблюдается.

Я осторожно толкнула дверь и выглянула. Мимо проскакал воин в темных доспехах. Я

было юркнула назад, но вдруг увидела, что возле колодца напротив под большими листьями лопухов притаился светловолосый малыш. Он явно хотел перебежать улицу, но не решался. Господи, как же тебя туда занесло?

Крики и стоны раненых доносились со стороны въезда в деревню. Быстро оглядевшись и убедившись, что никого нет, я выскочила из дома и понеслась к ребенку. Потом надо сдать матери и отшлепать, это ж точно где-то отстал от нее!

— Ну-ка иди сюда, — сказала я, протягивая к нему руки.

Ребенок не колебался и кинулся навстречу. Невольно отметила, что он совсем легкий и худенький. Да и возраст — года четыре, может, и меньше.

За спиной что-то шурухнуло, раздался громкий клеток. Внутри все похолодело.

Я развернулась, прижимая малыша к себе. Дар речи отнялся. В нескольких шагах от нас стояла огромная птица. Ростом — выше меня на полголовы. Мощный клюв, что легко проломит голову человека, янтарно-желтые хищные глаза. Оперение — что раскаленная медь. Мощные лапы с когтями.

Птица сложила огромные крылья, вновь заклекотала — недовольно, отрывисто, словно предупреждая. Я попятилась, ребенок молчал. Ужас сковал, не давая шевельнуться, в то время как мысли бешено крутились в голове. Куда бежать? Что делать? Если кинется, то мало не покажется. И где эти мужественные варвары, когда они так нужны?

Птица склонила голову набок, задумчиво нас разглядывая. Сделала шаг, потом еще один.

— Актта! — раздался резкий мужской голос.

Птица недовольно заклекотала.

— Актта, назад!

Звон стали стал громче, отчетливо запахло гарью. Глянув в сторону, я увидела горящие крыши домов. В дом шамана попало несколько стрел. Видимо, наконечники чем-то обмотали и подожгли. Огонь вмиг охватил сухое дерево.

Я сглотнула, тихо радуясь, что вовремя выбежала из дома.

Птица взмахнула крыльями, но раздался свист, и веревка опутала ее шею. Та резко крикнула, но только негодуяще обернулась.

Удерживая одной рукой поводья гнедой лошади, к нам подъезжал смуглый мужчина в кожаных доспехах. Черноволосый. Со взглядом дикого зверя.

Я судорожно выдохнула. Тургун. Не узнать невозможно.

Несмотря на страх и желание сбежать, все же почувствовала, как щеки заливаются румянцем. Только бы шаман показал правду. Коль так, то убивать меня не будут.

Он смотрел на меня. Жадно, пронизывающе. Губы исказила довольная ухмылка. Победителя. Я не отводила взгляда, но чувствовала, что почти приросла к земле. А вдруг все же Эрму навеял нереальное?

— Оставь щенка, женщина, — грубо сказал он. Спрыгнул с коня и подошел ко мне, по-прежнему удерживая птицу. — Ты пойдешь со мной.

Я покосилась на Актту. Язык прилип к небу — слишком уж близко стоял варвар, слишком явно пахло от него битвой и кровью. Я старалась не смотреть на запятнанный меч, висевший на боку.

— Только если ребенок сможет уйти, — все же нашла силы сказать я.

На лице Тургуна отразилось удивление. Он явно не привык, что ему могут возражать. А я так и стояла каменным изваянием, чувствуя, как трясутся поджилки. Дерзила не от смелости, а наоборот — от трусости, совершенно не следя за словами.

Актта угрожающе заклекотала. Тургун только сделал едва уловимый кивок. Я быстро опустила ребенка на землю.

— Беги, — шепнула, — быстро.

Он послушно рванул в глубь деревни, не останавливаясь и не оборачиваясь. Я повернулась к Тургуну, прекрасно понимая, что он просто позволил это сделать. Руки трясутся. Убежать бы — но некуда.

— Смелая или глупая? — внезапно спросил он с усмешкой.

Я исподлобья смотрела на него, не произнося ни слова. Он отбросил веревку — та тут же соскользнула с шеи птицы, и ухватил меня за руку. Больно, до синяков. Я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть.

— В седло — быстро, — приказал Тургун.

Я бросила на него ненавидящий взгляд, но благоразумно смолчала. Немаловажным аргументом была огромная птица. Рядом с такой можно говорить и ласково-ласково, а все равно сказанное исполняться будет мгновенно. Только больно подозрительно соскользнула веревка...

Не успела я додумать эту мысль, как веревка скользнула ко мне и обвила запястья. Я взвизгнула, Тургун тут же подхватил меня и неожиданно кинул поперек лошади, словно скрученный рулоном ковер.

— Зачем? Что это?! — возмущенно начала я, но широкая ладонь неожиданно хлопнула меня по ягодице.

— Не верещи, женщина, — прозвучал сверху его голос, — не до тебя сейчас.

Он хлестнул лошадь и помчался через деревню.

— Грехт! — крикнула я, но вышло больше похоже на писк мышонка.

Грехт меня, разумеется, не слышал. Перед глазами проносилась земля. Я зажмурилась, опасаясь, что закружится голова. Тургун хоть меня и придерживал, но не покидало ощущение, что я вот-вот свалюсь.

Грозный крик огромной птицы звучал над головой. То есть даже если и получится каким-то образом спрыгнуть с коня, то далеко все равно не убежать.

— Лада! — неожиданно раздался чей-то крик.

— Не стрелять, у него змеедева!

— Змеедева у чужака!

Тургун только пришпорил коня и презрительно бросил:

— Труссы.

Угу, конечно. Легко быть храбрым, когда рядом с тобой такой птенчик. Я попыталась рассмотреть, кто же из змееловов кричал, однако ничего не вышло — мы оставили деревню за спиной. Вслед скакало несколько всадников, доносились стоны и проклятия.

— Да падет кара на головы всех акуила, — услышала я шипящий голос и вздрогнула. Показалось. Только показалось, что это сказал Эрму. Слишком далеко мы отъехали, да и нигде не видела я шамана.

Птица взвилась в небо. Никто из воинов не проронил ни слова, а у меня язык не поворачивался что-то произнести. Сердце стучало как бешеное. Куда меня везут? Что будет? Выкуп? Или, может, есть какие-то другие вещи, для которых предназначены змеедевы.

Зажмурившись, я мысленно позвала Чиу. Единственный, кто мог появиться и спасти меня. В голове вдруг появился туман. Все звуки доносились словно через плотную пелену.

Я ощутила, как ко мне прикоснулись, но не смогла и шевельнуться. Оцепенение сковало

полностью. В ушах зашумело.

— Чиу, — шепнула я непослушными губами.

...И тут же провалилась во тьму.

* * *

Змеиные кольца крепко держали, укачивали, словно маленького ребенка. Я попыталась выбраться, но почувствовала страшную слабость.

— Ну-ну-ну, — прошипел на ухо Чиу, — что это мы такие активные?

Раздвоенный язык щекотнул щеку — я ойкнула. В кольцах змея было комфортно и уютно. Так и хотелось прикрыть глаза и заснуть. Но у Чиу явно были другие планы.

— Нет-нет, не так быстро, дочь моя, надо еще побеседовать.

Я фыркнула.

— То есть пока я в отключке?

— Ага, — невозмутимо подтвердил он. — Сама позвала именно сейчас. Я не виноват.

Вот зараза ехидная! Однако, решив, что спорить крайне глупо, все же собрала мысли в кучу и озвучила крайне волновавший вопрос:

— Чиу, куда меня везут?

Он на какое-то время задумался, словно реально прикидывал варианты. Потом шумно вздохнул.

— Лада, люди такие непостоянные, — пожаловался тоном оскорбленного божества. — Не успел прочесть одни мысли, как уже появились другие.

— Так куда? — потребовала ответа я, не обратив внимания на жалобу.

— В Шарияр, — сообщил он. — Красивый город, посмотришь — развеешься.

— Зачем? — насторожилась я.

Чиу чуть расслабил кольца, я медленно заскользила вниз. Внутри все сжалось, я испуганно взвизгнула, однако меня тут же поймали.

— Так надо, — невинно сообщил он. — Смерть тебя там не поджидает, не переживай.

Но...

— Но? — уточнила я, подозрительно покосившись на него.

— Но, конечно, мозгами пошевелить придется, — внезапно гнусно захихикал бог. — Знаешь, просто страшно люблю, когда люди проявляют смекалку.

— Что-о-о? — начала было я, но тут же мою щеку обожгла пощечина. Правда, не особо болезненная, больше для проформы.

Голова не то чтобы загудела, но туман, окутывавший до этого, начал рассеиваться. Я мучительно открыла глаза, искренне желая, чтобы тот, кто меня стукнул, провалился на месте.

На меня внимательно смотрел Тургун. В черных глазах не было и намека на сочувствие. Я не сразу сообразила, что уже сижу, привалившись к чему-то спиной.

— Живая, — искривил он губы в усмешке. — Не пугай так, змея, а то твой хозяин может сильно огорчиться, если вместо живой рабыни получит хладный труп.

Глава 6

Таинственные пещеры

Сказанное не сразу дошло. Я молча смотрела в черные глаза Тургуна, не в состоянии что-то ответить. Однако, кажется, взгляд вышел не очень хорошим, потому что варвар медленно поднялся и бросил:

— Поосторожнее с такими взглядами, змея. Тут никто целовать тебе ножки не будет.

Я онемела от такого высказывания. Внутри медленно закипала злость. На всех сразу. На Чиу, который явно играет глупой девчонкой из другого мира, на этих хамов, не побоявшихся ничего и сумевших выкрасть меня, на Грехта, которого не было рядом, когда от его помощи я бы ох как не отказалась. Впрочем, имелся и еще один момент: на себя я тоже злилась. Вероятно, больше, чем на остальных. И хоть разум подсказывал, что слушаться Тургуна — лучший выход, на душе все равно было мерзко.

Я огляделась. Мы находились на опушке, окруженной высокими деревьями. То есть даже если мне удастся сбежать, то очень скоро я прибегу назад. Лес вокруг доверия не внушал.

Не внушали доверия и мои похитители.

Тургуна сопровождали трое мужчин. В одном я признала того, кого называли Брогом. Он был немногословен и, казалось, меня вообще не замечал. Йомба, здоровенный чернокожий парень с белозубой улыбкой, смотрел с интересом и, кажется, относился ко мне лучше всех в этой компании. Жесткие курчавые волосы он стягивал в причудливую прическу, на запястьях блестели широкие полосы белого металла. Левое ухо проколото серьгой с огромным огненным рубином размером с перепелиное яйцо. Правое плечо в сети шрамов, сплетавшихся в странный узор. Явно какая-то ритуальная штука, в бою такую не получить.

Как я поняла, они с Тургуном были хорошими друзьями. Йомба носил такие же кожаные доспехи, как и все, но на шее болталось несколько амулетов из слоновой кости, а на боку висела кривая широкая сабля, совсем не походившая на мечи остальных.

Третий — Ши-хан — был все время укутан в лиловый плащ с капюшоном. Он весьма неловко сидел на лошади, однако держался с таким молчаливым достоинством, что, казалось, перед тобой наследный принц. Иногда откидывал капюшон, но на голове, полностью замотанной черной материей со странным серебристым отливом, виднелись только глаза: узкие, чуть раскосые, цветом словно полированный оникс. Смотрел холодно, внимательно, приковывая и не отпуская. Говорил понятно, но как-то странно, вязко, не слова, а журчащая вода. Тургун и Йомба относились к нему с огромным уважением, Брог никак не выказывал своего отношения. Порой мне казалось, что последний приехал откуда-то с севера: холодный, замкнутый, нелюдимый.

Ши-хан часто бросал на меня задумчивые взгляды, пробиравшие до костей. И хоть каждый раз, как мы трогались в путь, я ехала за спиной Тургуна, внимание Ши-хана к моей персоне никогда не ослабевало. Стоило ли об этом говорить черноволосому варвару — я не знала. Больше всех я симпатизировала весельчаку Йомбе, который во время привалов выбирал для меня весьма сочные куски мяса и толстые ломти соленого сыра. Тургун молча смотрел на это, но не произносил ни слова. Ши-хан часто сидел напротив и смотрел сквозь колышущееся пламя костра.

Первые три дня со мной особо не разговаривали. Только самое необходимое: еда, сон и

естественные нужды. Да и то далеко не отпускали. Впрочем, у меня и не было особого желания куда-то заходить. Такое отношение выводило из себя, однако приходилось только молча скрипеть зубами. Даже рукам не дать воли — их благоразумно связывали за спиной.

Правда, однажды, когда мы подъехали к пологим склонам гор, видимо, раньше гордо тянувшихся вершинами к небу, но теперь уже изрядно изъеденных ветром, дождем и временем, я все же рискнула завязать беседу с Йомбой.

Мужчины отыскали небольшую пещеру, Брэг и Тургун отправились на охоту, Ши-хан и Йомба разводили костер. Мне велели сесть на сваленные у каменной стены вещи и не мешаться. Что, в принципе, я сделала с огромной радостью. Бесконечно можно смотреть на огонь, воду и как тебе готовят поесть.

— Что, красавица, взглядом хочешь отравить? — пробасил Йомба, подбрасывая хворост в костер.

Я только хмыкнула. Даже не потребовалось ничего делать, он решил поболтать сам. Ши-хана, кажется, совсем не волновало происходящее. Он сидел напротив и вертел в руках длинный острый кинжал с рукояткой, усыпанной сапфирами.

— У меня взгляд не ядовитый, — ответила я ровным голосом. — Это почему-то Тургун подозревает меня во всех грехах мира.

— Ну, допустим, не во всех, — утешил Йомба, усаживаясь на расстоянии вытянутой руки. Достал саблю из ножен, придирчиво осмотрел.

[Купить полную версию книги](#)